

Николай Серый

Лесной старик

роман

Николай Серый

Лесной старик. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29178846

ISBN 9785449030757

Аннотация

История извращённой любви и создания книги, преобразившей автора. Доведение до самоубийства владельца богатого поместья. Последствия обладания непререкаемой властью над людьми.

Содержание

Часть первая	5
1	6
2	10
3	13
4	17
5	36
6	42
7	45
8	47
9	58
10	65
11	91
12	96
Часть вторая	102
1	103
2	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Лесной старик

Роман

Николай Серый

© Николай Серый, 2018

ISBN 978-5-4490-3075-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

Очень богатый генерал в отставке Вадим Ильич Серов решил написать психологический роман с интригующе неординарным сюжетом... Серов разбогател совершенно законно, поскольку унаследовал он завидные пакеты акций, несметные банковские счета, фармацевтические заводы и фабрики, земельные участки, столичные квартиры и роскошные дома от своей бездетной младшей сестры, умершей от рака горла...

Просторный двухэтажный дом, в котором теперь обитал Серов, находился поблизости от буйной речки в густых лесах на горном юге. Прочный, капитальный дом с двумя плоскими башнями, канализацией, пристройками, очистными сооружениями, сараями, баней и трёхметровой оградой был сооружён из твёрдого серого камня, а вершину забора обвивала спираль из колючей проволоки. К лесной усадьбе скрытно были подведены все необходимые коммуникации: газ, электричество, кабельное телевиденье, телефон, Интернет и вода. Во дворе из чёрной брусчатки имелся колодец с мощным насосом и с расписным узорчатым журавлём для декора... Серову ретиво прислуживали сектанты-молокане из соседнего селенья; усердную челядь набрала и вышколила ещё сестра отставного генерала... В этих глухих дебрях, кроме молокан-духоборов, никаких других жителей в окрестно-

стях больше не имелось... Усадьбу охраняла свора кудлатых и вышколенных овчарок...

Заслуженный генерал на пенсии Вадим Серов был чуть выше среднего роста, мускулист, худощав и жилист. У него были красивые и слегка припухлые губы, тонкие и длинные пальцы пианиста-виртуоза, чуть округлый подбородок, немаленький нос с горбинкой и матово-смугловатое лицо, которое часто румянилось после утреннего бритья и умывания. У Вадима Серова ещё сохранились его собственные зубы, хотя и с тремя немецкими пломбами; а на левом коренном зубе была стальная коронка. Серов ещё не облысел, и его густые седоватые волосы были почти всегда очень коротко подстрижены, но если невзначай они вырастали, то лохмато свивались по-цыгански в кудри.

Серов, кроме родного среднерусского наречия, знал в совершенстве ещё два языка: английский и французский. С запинками изъяснялся ещё и по-испански... Серов имел боевые ордена и медали, именное наградное оружие, и был он в своей специфической и секретной сфере весьма авторитетен... В его храбрости ни разу не усомнился никто... Он считался мастером смертоносной рукопашной борьбы...

Серову почти болезненно мечталось, чтобы яркая память о нём сохранилась не только в секретных рапортах, в аналитических докладах и в строго конфиденциальных архивах и депешах. Именно поэтому и решил Серов заняться высокой литературой и выбиться в классики; он весьма самоуве-

ренно полагал, что он вполне способен сочинить нечто подобное «Мыслям» Паскаля, «Опытам» Монтеня и «Афоризмам и максимам» Ларошфуко. Но более всего хотелось Вадиму Серову сочинить именно психологический роман, в котором будут яркие вкрапления из его собственной биографии... Серов не имел права писать мемуары, поскольку его деятельность была совершенно секретной...

Канва его чудесного романа должна быть традиционной: жизнеописание, карьера и душевный мир юного честолюбца. Но детали, подробности, сцены, картины и мысли в этой загадочной, утончённой и захватывающе интересной книге должны непременно впечатлять уникальностью!.. И тогда все дотошные критики восторженным и дружным хором провозгласят его великолепный роман шедевром, а затем и потребуют немедленного включения сей назидательной книги в школьную программу!.. А вскоре к гениальному, но весьма скромному автору нагрянут острые и шумливые интервью, ажиотаж, слава и самые почётные премии...

Серов справедливо полагал, что денег на широкую рекламу своей книги хватит у него с избытком. Оставалось только сочинить роман!.. И несколько страниц с описаниями уютной деревни, в которой родился герой, были уже набросаны...

К усердным литературным трудам Вадима Серова подвигнул внезапный и совершенно для него неожиданный страх перед смертью. А ведь генерал Серов очень много воевал, и никогда прежде он особенно не пугался собственной ги-

бели. Но теперь на безмятежном и по-барски комфортабельном отдыхе у Серова вдруг мучительно возник назойливый ужас перед своей кончиной. И никак боевому генералу на пенсии не помогали его упорные попытки привыкнуть и адаптироваться к своему уютному и мирному прозябанью, и только изнурительно-тяжкие и долгие писательские труды умеряли в нём лютую боязнь перед вечной бездной небытия...

Единственный и любимый сын генерала Серова прослыл в десантной бригаде бесшабашно храбрым офицером и, ещё не родив детей, получил смертельную рану в засаде на Первой Кавказской войне. А жена безутешного генерала, – врачонколог, – после гибели своего прилежно взлелеянного чада разбилась в полном отчаяньи за рулём спортивного автомобиля. Многие подозревали, что она от горя намеренно устроила дорожную катастрофу...

Бурными и ненастными ночами Вадим Серов любил импровизировать на прекрасном и редком рояле. Драгоценный инструмент изготовила за границей древняя династия мастеров по заказу младшей сестры отставного генерала. И во время импровизаций Серову часто грезилось, что музыкой он посылает в космос и жалобно-покорные молитвы, и сигналы своей истомлённой души...

В уединённой усадьбе имелась богатая библиотека, собранная его сестрой... Записи дивной музыки безупречно звучали на эксклюзивной и дорогой аппаратуре...

2

Серов иногда явственно ощущал, что природа одарила его несомненной способностью творить прекрасную прозу. Но он понимал, что литературными трудами он занялся слишком поздно. У него ещё не было собственных писательских приёмов, опыта и сноровки. А ведь каждый серьёзный автор должен всё это обрести ещё в ранней юности!.. И ещё не сложились у него ясные и чёткие критерии для качественных оценок уже написанных им страниц, отрывков, кусков и фрагментов...

А ведь в разведке и на войне критерии оценок оперативных планов, агентурной вербовки и боевых действий были для него очевидны!.. Главным признаком успеха или победы было достижение цели... Но какую же именно цель преследует он, сочиняя роман?.. Разумеется, чрезвычайно хочется и комплиментов, и славы, но разве дело только в суетной известности, в жирных гонорарах и в веских причинах для бахвальства?..

А ведь в русской армии реноме генерала Серова было весьма высоким, поскольку в своих планах и операциях он сумел обрести собственный фирменный стиль. Служба под командованием пронизательного и хитрого стратега Серова считалась завидно престижной и в тактических боевых подразделениях, и в штабах... Но как достичь подобной репутации?

ции в художественной литературе?..

И Серов корпел над своими текстами натужно и рьяно. И уже радостно чувствовал он, что корявая шершавость постепенно исчезает из его строк. И с растущим упорством он снова на мощном компьютере исправлял и черкал... И порой появлялось у него ощущение, что каждую свою строчку он вырывает из хаотической бездны...

И, наконец, Серов решил, что каждая его строка должна всецело выражать его сложную и многогранную личность... И с духовной мукой озадачился он вопросом, да кто же он таков?.. И вдруг попытался он постичь собственную потаённую сущность, оценивая свои военные и шпионские операции придирчиво и безмерно строго...

Но Серову болезненно не хотелось пробуждать в себе то странное и жуткое существо, которое затаилось в его нутре. Он мысленно именовал это своё загадочное ощущение «мистическим зверем», и будил его только в экстремально опасные миги. И мистический зверь всегда сберегал, отключая человеческое сознание, тело своего владельца...

Серову истово верилось, что он оплачивает пробуждение в себе мистического зверя резким сокращением своей жизни... А ещё он страшился того, что мистический зверь окончательно сольётся с его человеческой личностью и заставит его поневоле постигнуть мерзкую и самоубийственную истину о самом себе...

В психическом состоянии «мистического зверя» Вадим

Серов почти мгновенно избавлялся от человеческой логики и сразу начинал крайне жестоко действовать только по рефлексу или наитию. И порой Серову маниакально хотелось разом отбросить эту свою мучительную раздвоенность и окончательно преобразиться в мистического зверя. И тогда Серов люто и нервно презирал самого себя за то, что его постыдная боязнь перед скорой смертью мешает ему осуществить такое весьма полезное, – как ему казалось, – намеренье...

А начало его романа уже нравилась ему. В прологе и лирично, и просто было описано хуторское захолустье среди болотных дебрей. И Серов чувствовал в этом прелестном описании аромат и пряность дворянской классики...

3

Серов в уютной лесной усадьбе вёл размеренную и монотонную жизнь; он очень редко покидал своё удобное поместье и без роздыха предавался писательским трудам... Серов просыпался на ранней заре и после бритья и умыванья в студеной воде съедал натощак две ложки густого целебного мёда, а затем выпивал стакан холодного, но кипячёного молока. Вскоре в своём просторном кабинете Серов доставал из стального сейфа большую коленкоровую тетрадь с упругими листами в мелкую клетку. Потом вальяжный Серов в тёмной шёлковой пижаме валился на коричневый мягкий диван с обивкой из натуральной кожи и засовывал под свой левый бочок пару тёмно-багровых подушек из лебяжьего пуха. Серов часто писал и черкал в своей тетради именно лёжа и всегда французской ручкой с чёрным гелиевым стержнем. Каракули из тетради переносились в мощный компьютер, на котором Серов упорно уточнял, обрабатывал и шлифовал свой текст...

В большой коленкоровой тетради Серов, опираясь на левый локоть, лихорадочно кропал на диване всегда в режиме «потокосвободного сознания»: без точек, запятых, абзацев, ритмов, кавычек и тире... Термин: «потокосвободного сознания» придумал сам Серов... Писанье в таком режиме было самой приятной для Серова частью творчества, по-

сколькx он уже полюбил бурление своих фантазий и отсутствие ограничений для разума... Буйство мечтаний и грёз Серову мерещилось поэтическим вдохновеньем; в такие миги он безмерно и заморочено гордился самим собой и непоколебимо верил в собственное величье...

Однажды Серову вдруг поверилось, что полный отказ от сексуальных связей резко повышает творческий потенциал. И Серов решительно отказался от женщин, хотя найти для утех темпераментную и смазливую бабёнку меж его раболепных служанок было бы ему легко. И вскоре ему показалось, что его страницы вдруг стали гораздо ярче и завлекательней, ибо его неутолённая похоть лезла и проникала в строчки его писаний. И порой грезилось ему, что его тексты озаряются матовым мерцаньем обнажённого женского тела...

Серов, шлифуя свои тексты на мощном компьютере, неукоснительно проверял их на слух. Для этого Серов подолгу бубнил, шептал и бормотал свои строчки, а затем, в случае запинки в их произношеньи, исправлял их...

Серов решил, что при сочиненьи своей книги не будет он заранее обдумывать канву, фабулу и план, поскольку автор принципиально не желал, чтобы загодя введённые – даже им самим!.. – ограничения и рамки обуздывали порывы его творческой свободы...

Иногда, после изнурительного писательского труда, который автору казался особенно результативным, Серов хотя

и робко, но радостно позволял себе смотреть на мир взорами мистического зверя. И тогда у Серова мгновенно исчезали любые сомнения и страхи, а его сознание временно прекращало мыслить логичными и связными фразами. И сразу более ясные, точные и глубокие фразы спонтанно складывались в его подсознании, и там они запечатлевались навеки. Но в его осознанной памяти они не хранились. Ведь даже сознательные размышления порой начисто исчезают из осознанной памяти...

В состоянии «мистического зверя» все краски, очертания, запахи и звуки становились гораздо ярче, отчётливей и резче, а тело Серова почти явственно ощущало незримые токи, которые, струясь с неба, обволакивают человеческую плоть, подобно эластичному, надёжному и прозрачному кону. Крепкая плоть Серова буквально нежилась в этой загадочной и неосязаемой субстанции, которая мнилась ему атмосферными и космическими флюидами...

Но особенно разительно менялось его восприятие людей, их сущностей и самого себя. Ведь в состоянии «мистического зверя» Серов грезился самому себе верховным владыкой, и в таком образе он сразу обретал безмерную и таинственную власть над всеми людьми, которые оказались рядом. И тогда уже никто не смел ему перечить, и все, словно замороженные, подчинялись ему беспрекословно, ретиво и слепо, а для него именно такое повиновение было наивысшей услугой! Элитные и модные красавицы настырно и алчно его помога-

лись, поскольку считали его искусителем, которому женщины не способны противостоять... Его реакции заметно ускорились, и он ощущал себя неуязвимым!.. Но наиболее ценным и важным для Серова было то, что он обретал абсолютное понимание людей. Он интуитивно постигал в них даже такие потаённые свойства и качества, которых люди часто не замечают в самих себе... Наконец, у Серова появилась теория о том, что люди рабски повинуются всякому, кто понял их до самой подноготной...

Он уже часто воспринимал простонародье куклами-марионетками, которыми он всевластно и мудро управляет при помощи неосязаемых, но прочных нитей, сотворённых его нестигаемой волей...

Серову уже казалось, что во вселенской бездне существуют совершенно иные формы восприятия, нежели те, которые используют обычные люди. Одну из таких форм он мысленно именовал «общением без участия разума». Но остальные термины для форм парадоксальных восприятий Серов ещё не успел придумать...

Серову с юности нравилась тоскливая прелесть ранней осени, и теперь особенно очаровательной казалась ему желтизна орешника в большой лощине. Серов, гуляя по извилистым и узким тропинкам среди густого орешника, любил подолгу размышлять о перипетиях своего романа, в котором уже весьма подробно описывалась учёба главного персонажа в деревенской школе. Серов с умилением и ностальгией описывал своих интеллигентных, самоотверженных и скромных учителей, и при этом он полагал, что его мудрые педагоги непременно должны быть ему безмерно благодарны за их рельефное отображение в нетленном шедевре. Но о чём писать дальше в своём повествовании Серов пока ещё не знал, поскольку многие факты из его остальной деятельности хранились в архивных сейфах под строго секретными канцелярскими грифами. А грозные и бдительные командиры Серова отнюдь не поощряли воспоминания и мемуары своих кадровых сотрудников и бойцов...

Серов ясно понимал, что обыватели интересуются истинным профессионализмом крайне редко. Мещанской публике подавай вульгарную шпионскую дребедень и кинофильмы с яростным рукопашным мордобоем. Но писать банальную халтуру Серов очень не хотел, поскольку привык воспринимать себя, как утончённого эстета...

И Серов терпеливо ожидал творческого озаренья, которое разом разрешит все писательские проблемы. И он упорно верил, что мистическое вдохновение непременно к нему нагрянет...

Погожим и тёплым утром Серов завершил, наконец, двадцатую страницу своего романа и по этой причине пребывал в относительно хорошем расположении духа. После диетически-несытного завтрака вальяжный Серов, одетый в белый домашний костюм и в тапочки с густой бахромою, сидел в просторной и уже солнечной гостиной возле распахнутого окна с мелкой сеткой от мух, комаров, ос и бабочек. Приятный сквозняк порывисто колыхал узорные занавески из раритетного мануфактурного тюля... Серов, сидя в антикварном узорном кресле, разбирал по толстой книге шахматные партии Михаила Чигорина. Книга была старой, ветхой и очень дорогой. И теперь Серов явственно ощущал то нервное напряжение, с которым шахматные маэстро незабвенной царской эры играли свои партии...

Внезапно Серов решил, что он весь остаток нынешних суток полностью посвятит отдохновению от литературных забот. И он оторвался от сувенирной шахматной доски и с удовольствием подумал о своей умеренности в пище. Вот и сегодня на завтрак он полакомился всего лишь крылышком жареного цыплёнка, салатом из огурцов, политых подсолнечным маслом, ломтиком пшеничного хлеба и крепким чаем с брусничным вареньем, но без сахара...

И вдруг в гостиную осторожно юркнул совершенно лысый дворецкий Тимофей Захарович Шилов, весьма елейный, худосочный, проворный, опрятный и вкрадчивый богомолец не слишком преклонных лет. Нынче дворецкий был обряжен в синие шёлковые штаны, в белые мягкие туфли и в тёмно-серую полотняную рубаху навывпуск, аккуратно перевязанную серебристо-парчовым кушаком; такую эффектную униформу придумала младшая сестра генерала Серова. Черты лица у Шилова были подвижными, мелкими и заострёнными, глаза – узкими и чёрными, а его морщинистая физиономия всегда была тщательно выбрита. Говорил он писклявым и сиплым голосом, но был чрезвычайно авторитетен в своей деревне. Шилов имел дарованье и склонность к интригам, а также болезненно обожал деспотично, но ханжески помыкать челядью...

Дворецкий плавно и бесшумно просеменил к своему барину и, церемонно поклонившись ему в пояс, замер в угодливо-почтительной позе...

Серов притворился, что он ещё не заметил, столь ничтожную личность, как его дворецкий, а опытный лакей сразу смекнул, что вельможный барин из важности только прикинулся рассеянным...

«Да, братец, – ехидно и раздражённо подумал Тимофей, – быстро же ты в наследственных и пышных чертогах усвоил повадки и норы истинного боярина... Но с тебя непременно взыщется...»

Но, разумеется, дерзкие мысли совершенно не отразились на почтительной позе и на умильной физиономии Шилова. Хитрый пройдоха очень дорожил своей должностью, поскольку от него зависели многие обитатели деревни. Ведь щедрое жалованье, которое слуги по протекции Шилова получали в усадьбе, было чрезвычайно завидным по мерке крестьян. Но высокопоставленный слуга не питал благодарности к своим господам; он втайне даже презирал их за нарушение ими святых Божьих заповедей. Но, одновременно, он жадно радовался, когда его спесивые бары преступали Господни заветы, ибо хозяйским богохульством лукавый дворецкий оправдывал собственные хищения. Святотатцев и крамольников, мол, и обкрадывать не грех!.. Дворецкому было даже досадно, что его очередной хозяин, – отставной генерал, – ведёт почти праведную жизнь, ибо теперь усадебному жулику приходилось воровать с немалой толикой угрызений совести. Да и наскучила дворецкому размеренная жизнь в горном поместье...

Но сегодня случилась двусмысленная и пикантная коллизия, и дворецкому было весьма интересно, как его хозяин выкрутится из неё...

Серов, наконец, удостоил своего слугу мимолётным и косым взглядом, а затем соизволил спросить:

– Чего тебе, любезный?

И Шилов подобострастно и сипло затараторил:

– Стряслось необычное!.. С давней подоплёкой... Дело

касается успенья вашей уважаемой сестры... Получу ли я дозволение изложить обстоятельства подробно?

И вдруг Серов интуитивно ощутил непонятную, но явственную угрозу, хотя поза и мина на лице у дворецкого оставались безупречно учтивы. И Серов ещё раз мельком глянул на своего лакея; внешность у Шилова не вызывала тревогу. Но Серов уже привык слепо доверять своему наитию, и вдруг он постиг, что опасность исходила именно из приторной вежливости дворецкого...

«Подхалимаж вассалов часто сулит немалые беды сюзерену», – подумал Серов и хрипло произнёс:

– Говори!

И Шилов бойко сказал:

– Незванная гостья к вам, Вадим Ильич, пожаловала сейчас! На вид она – совершенная оборванка! Тощая, голодная, но всё-таки ещё бодрая. Она – в рубище и лохмотьях... А ведь когда-то ваша мудрая сестрица наряжала свою зазнобу в кружева, бантики, рюши и ленточки!.. Я велел назойливой нищенке поскорей переодеться, как полагается при важной встрече... Но оскудевшая чертовка больше ничего не имеет из документов и вещей, кроме замызганного паспорта, который она усердно мне совала. Она была готова всучить мне даже самоё себя, но я не пожелал скоромиться... Я знаком накоротке с этой стервозной ведьмой!.. Похоже, что она совсем недавно была узницей в каталажке, то бишь в тюрьме! Я моментально прогнал бы эту заразу от ворот,

дабы она не срамила память усопшей! Но докучливая гостья клянётся, что она имеет сугубо важные вести для вас. Она, дескать, послана к вам последней волей вашей умершей сестры! Такая вот необычная история стряслась на заре нынче.

Тимофей, как уважаемый член своей религиозной общины, привык разглагольствовать витиевато и длинно, но его господа, ценя его предупредительность, расторопность и рьяность, мирились с его пространными тирадами...

Серову вдруг показалось, что его дворецкий всё явственней излучает пульсирующие токи опасности, и матёрый, хотя и бывший генерал решил немедленно разъяснить для себя и причину, и силу угрозы. Серов осанисто и медленно поднялся с кресла и, притворяясь рассеянным, распорядился:

– Зови обормотку сюда!

Шилов почтительно кивнул головой и слегка порхающей походкой шмыгнул прочь из гостиной... Однако слуга очень быстро вернулся, и следом за ним прошаркала молодая и худощавая женщина, обутая в пятнистые и дырявые кроссовки на босые ступни и небрежно одетая в землисто-серое шерстяное платье с длинными рукавами; ни колготок, ни чулок на длинных и стройных ногах у незваной гостье не было. Оказалась она среднего роста, с безукоризненным и очень гибким телом, но по-восточному слегка скуластой; её глаза, обрамлённые острыми ресницами, были большими и карими. Её губы чувственно краснели, а безупречный нос обладал горбинкой. Чёлка из густых, спутанных и тёмных во-

лос покрывала высокий лоб без морщин. В розовых мочках её ушей не было серёг, – даже самых дешёвых, – а тонкие и длинные пальцы её не были унизаны кольцами... Вдруг она застенчиво и жалко улыбнулась, и Серов заметил её белые и крепкие зубы...

Серов исподлобья глянул на своего дворецкого и понял, что Тимофею не только чрезвычайно хочется присутствовать при беседе хозяина и гостя, но, если вдруг выпадет коварному слуге такая возможность, то и повлиять исподволь на итоги их разговора. Но внезапно Серов решил больше не баловать своего ушлого лакея и приказал ему высокомерно и зычно:

– Тимофей, ты немедленно оставь нас! И не вздумай нам мешать и подслушивать!

Дворецкий был сильно покороблен столь барски-спесивым тоном, но, разумеется, скрыл своё негодование. Гостя искоса и с явной иронией посмотрела на Шилова и усмехнулась. И вдруг Серову показалось, что его гостя непонятными, но эффективными приёмами сумела ему внушить её собственное желанье, чтобы дворецкий споро убрался из гостиной...

И в Серове встревожено и подозрительно заурчал его мистический хищник. Поначалу Серов опасливо решил не давать покамест своему внутреннему зверю полную вольность, но вскоре всё-таки впал в соответствующее психическое состояние. И вдруг Серов увидел самого себя именно таким,

каким сейчас его воспринимала эта приبلудная женщина...

А незваная гостя напряжённо размышляла:

«Тёртый калач. Староват, но ещё в соку. Жирка у него ещё нет, а только жилы, мускулы и кости. Удачливая и матёрая скотина... Но, вопреки своему профессиональному цинизму, этот наследник моей квелой Галки – ещё и романтик... А теперь он тщится столбовым боярином прикинуться. Аристократ хренов... Наверняка на покое сочиняет какую-нибудь назидательную дребедень, но отнюдь не стихи... Интересно: он сейчас кропает мемуары или роман? А коли – роман, то совсем он рехнулся, а мне будет легче...»

Шилов нарочито медленно прошагал к двери и, повернувшись к хозяину, сказал:

– Я сейчас смиренно покину вас, господин! Но напоследок я хочу предупредить вас. Она – башковитая, но зазорная баба! Будьте с ней начеку. А зовут её Алёной Игоревной Скрябиной... Она – вероломна, хитра и суматошна... Она способна ввергать в неутолимую кручину!.. Вам надо остерегаться...

И Алёна вдруг сварливо молвила:

– Ты всегда был прохиндей, балбес и трус! Ты опасаясь самых обычных тумачков, и ты в поместье уже привык робко трепетать попусту! Ты безмерно боишься потерять свою должность! И поэтому юлишь ты непрестанно... А я не желаю с тобой подловато вилять и мямлить. И дискутировать с тобой больше я не намерена!.. А сейчас, Тимофей, уби-

райся, как тебе велели! И не дерзай подслушивать! Разговор не для твоих кошачьих ушей. Иначе в наказание придётся тебя, олуха, мутузить...

Тимофей вопросительно глянул на своего хозяина, тот небрежно и коротко кивнул головой, и дворецкий, поджав тонкие губы, удалился без промедленья из гостиной, а затем плотно притворил за собой дверь. Алёна юрко повернулась к хозяину усадьбы и молвила смущённо и виновато:

– Простите, что я не сдержалась! Но я довольно долго обитала в этом доме, и мне до колик и судорог осточертели дебаты с богомольным и надоедливым прощельгой...

И она, ожидая его реакцию на своё нарочито вызывающее поведение, примолкла... И вдруг Серов явственно ощутил то, что сейчас начнёт он осознанно мылить логичными и связными фразами, хотя прежде в состояньи «мистического зверя» – при абсолютном господстве интуитивного наития – подобные раздумья были напрочь исключены... И Серов совершенно не понимал: горевать ли ему теперь или буйно радоваться такой неожиданной метаморфозе?.. И казалось ему, что полностью в нём исчезают противоречья между его подсознанием и разумом, а воображаемая ипостась «мистического зверя» быстро превращается в подлинную сущность Серова... И вдруг Серов начал стыдливо опасаться того, что его нынешние преображенья стремительно близят его смерть...

И чёткие фразы спонтанных его раздумий, наконец, хлы-

нули в нём:

«Сейчас она истерично закинет свою удочку. Но какая будет приманка на крючке? Наверное, сварганит она детскую байку о сокровищах и потаённых кладах моей сестры. И будет мне докучливо всучивать этот наивный миф...»

И вдруг почудилось ему, что она сейчас постигает его мысли...

«На грубые посуды, – подумалось ей, – пожалуй, он сейчас не клюнет. Но самое интересное, что я действительно много знаю о крупных активах и завидных банковских счетах, которые ему не известны. А ведь на эти счета и активы он, как прямой наследник своей родной сестры, имеет законное право. И я готова честно продать ему важную финансовую информацию. Но такая сделка невозможна без его полного доверия. А он сейчас наверняка считает меня своекорыстной мошенницей... Однако, почему он упорно молчит?.. А ведь мне крайне необходимо ощущать все его реакции более явно... И для выгоды мне необходимо самым утончённым образом использовать его несомненные проблемы с написанием романа... Ведь он и корпит, и тужится над своими текстами... мусолит их...»

А Серов радостно понял, что она нетерпеливо ждёт начала их доверительной беседы, и сладострастно он томил и мучил незваную гостью своим гнетущим безмолвием...

«Нет, этот проницательный и жёсткий невежа не начнёт сейчас говорить первым», – подумала она и вкрадчиво про-

лепетала:

– Я покорно прошу приюта. Я измучена, еле ноги я передвигаю... я волочу их, будто дряхлая старуха-карга. Вероятно, стезя у меня такая... Я чувствую себя очень скверно...

И внезапно ему подумалось:

«Наверное, в розыске она у полиции. Поганое у скиталицы поприще...»

И после короткой запинки Алёна продолжила удручённо и тихо:

– О, вы не беспокойтесь! Я и вправду была законопачена в таёжной глухой тюрьме, но теперь я чиста перед законом, поскольку я искупила всё... Полиция меня больше не ищет, не преследует. Но гнусное бремя моих финансовых познаний и полномочий отнюдь не обеспечило мне безопасности!.. Криминальные структуры с тупой яростью требуют скорейшего дележа вашего наследного достоянья и не приемлют моих резонных возражений... Я не ангел... и вовсе я не херувим, уж поверьте, – и она невесело усмехнулась, – но делиться со мной огромными барышами воровская стая не пожелает. Лихие бандиты, после получения ими шальных денег, просто и без всяких затей укокошат меня. Однако окаянной шайке очень хорошо известны ваши давние и тесные связи, возможности и опыт. Ведь ваша умная сестра ради своей безопасности частенько хвасталась вашим служебным положением... Я, разумеется, не настолько пронырлива, как моя бывшая начальница, но я всё-таки умоляю вас взять ме-

ня под свою эгиду! Примите меня под своё покровительство!
Я не стану для вас обузой и паразиткой...

Серов неопределённо пожал плечами, и она всполошёно подумала:

«Да отверзи ты, наконец, уста... Не томи меня, охламон...
Неужели ты всерьёз полагаешь, что нет у меня гораздо более
действенных рычагов для тебя, нежели бабские слёзы и ню-
ни?..»

Он явственно ощущал её нетерпенье, досаду и страх и всё
более наслаждался чужим страданием...

«Он болезненно хочет моего полного униженья, – помыс-
лили она хотя и печально, но ясно и трезво, – ну что ж, я
готова и на махровый подхалимаж, и на пресмыкательство.
Беспочвенные мечтанья вкупе с иллюзиями для меня теперь
смертельно опасны... Но при крайней нужде моя роль по-
лучится не хуже, чем в первом классе театре... Эка неви-
даль... Я ведь могу искусно актёрствовать... Но уж тогда
не взыщи...»

И она кротким голосом произнесла:

– Памятью вашей сестры я заклинаю вас! Прошу вас бла-
госклонно внять моей скромнейшей просьбе... Я ведь упо-
ваю на ваше благородство... Ничего другого мне уже не оста-
лось. И вы – последняя моя надежда... Ведь благодаря имен-
но моей бескорыстной жертве ваша сестра умирала в достой-
ной обстановке. – Алёна едва не сказала «окочурилась». –
Если бы не я, то хворую Галину судебские чиновники непре-

менно упекли бы на вшивые нары в отдалённой лагерной зоне со скудной пайкой. Ведь проказливую шахиню могли бы запросто упрятать за прочные и ржавые решётки, ибо фискальные нарушения в наших корпорациях были весьма многочисленны. Но я самоотверженно приняла удары и вину на себя... И вашу родную сестрицу увезли в эксклюзивный госпиталь, где она комфортабельно зачахла среди санитарок, фельдшерниц и престижных врачей, которые сноровисто и нежно кололи богатой пациентке инъекции щедрейших порций морфия без примесей... И она не страдала от физической боли... И не было конфискации...

И вдруг Алёна поперхнулась и нервно умолкла, а затем она, не дождавшись от мрачного и надменного хозяина усадьбы ответной реплики, молвила:

– Да и вам, несомненно, претили бы прокурорские дрязги и разборы с вашей сестрой. Успешной карьере не способствуют позорные свары с юстицией... особенно в недрах секретной конторы, в которой вы служили... А ведь меня в следственном комитете усердно спрашивали о тех пикантных слухах, которая ваша сестра беззастенчиво распускала о своих, – якобы сексуальных, – связях с вами... Речь шла об инцесте, о кровосмесительстве... Ваша отчаянная сестра сочиняла эти срамные и гадкие сплетни для призрака защиты от жутких поползновений криминальных групп... Братлюбивник способен, дескать, ради интимной связи с пасивной-сестрой на гораздо более значительные усилия нежели

просто брат... Скучно мне не было... Не надо мною бестактно пренебрегать!..

И Серов невольно содрогнулся от омерзенья, но полностью он ещё не понимал, что именно было ему сейчас отвратительно...

«А вот теперь начнёшь ты, наконец, со мной балагурить, сукин сын...» – подумалось ей, – и вскоре он, действительно, заговорил проникновенно, снисходительно и мягко:

– Я бесконечно благодарен вам за услуги, оказанные моей незабвенной сестре. Мне было бы чрезвычайно тягостно, если бы моя сестра вдруг умерла в тюремном заключении при дефиците лекарств и заботы... Но ведь вполне вероятно и то, что моя сестра, действительно, не была повинна в тех досадных казусах и инцидентах, за которые сурово вас покарали. Решение судебной коллегии могло оказаться совершенно объективным...

– Позвольте мне сесть, – попросила она...

Он спохватился и разрешил:

– Конечно, садитесь, где вам удобней.

И она прикорнула на краешке массивного стула возле распахнутого окна, а Серов неспешно и осанисто расположился в мягком кресле супротив её и вдруг украдкой вздохнул...

Она с горечью усмехнулась и сказала:

– Неужели вы всерьёз полагаете, что ваша сестра при её неуступчивом характере и въедливом разуме могла бы позволить мне свободно совершать фондовые аферы и бюджет-

ные махинации при полном игнорировании её директорской воли?.. Галина была прекрасным провокатором и отлично умела спекулировать на резких колебаниях биржевых курсов, рейтингов, индексов и на прочей белиберде...

И вдруг Серову ярко вообразилось смугло-матовое лицо младшей сестры: высокий лоб с чёрными завитками волос, большие карие глаза с длинными ресницами, чувственно-изящные губы, прямой нос и чёткие линии подбородка. Сестра была пикантно красива, но её разум и воля были незаурядны. Оскал белых и крепких зубов Галины впечатлял всех, но при этом она от природы была весьма осторожна и всегда умела держать себя достаточно дипломатично. Но азарта и дерзости у неё всё-таки хватало... Нет, Галина не могла допустить, чтобы её подчинённые пренебрегали её суждениями и волей! И поэтому на фирмах у Галины системы электронного и взаимного контроля всегда были безупречны...

Серов не сразу решил, что именно ему ответить неожиданной гостье. Сначала вздумалось ему прикинуться незатейливым простачком, который не способен постигнуть сложную натуру своей сестры. Но затем его кривлянье перед сирой и нищей бродяжкой показалось ему крайне унижительным, и он сказал совершенно искренне:

– Нет, я вовсе не хочу утверждать, что моя сестра была раззявой! Наоборот, она в рыночной торговле и в производстве товара всегда была дотошной, внимательной и скрупу-

лѐзной. Кто угодно, но моя сестра – отнюдь не разиня! Манипуляций над собою допустить она не могла... Но ведь и вы, очаровательная милочка, не производите впечатленья куклы-марионетки, которую для мошенничества можно использовать вслепую! Из люльки вы уже давно вылезли, и нянька с ясельным горшочком вам уже не нужна! Я отдаю вам должное, хотя и не склонен относиться к вам с пиететом... Вы прекрасно понимали, на что именно вы согласились. Вы без иллюзий оценивали степень своего риска! Вас не подвергали гипнозу и изуверским пыткам! И вы, наверное, получили за свои зазорные услуги более чем щедрое вознагражденье!.. Я – не скупердяй, но в серьёзных делах нужна ясность! И я, как юрист, хорошо знаю, что жуликов за групповую уголовщину карают более строго, нежели за преступленья, совершённые в одиночку... Какова ваша цель?.. Неужели вы требуете компенсацию?

Алёна кивнула головой и подумала:

«Он сейчас мне прозрачно намекнул, что не обязан мне даже крошечной толикой благодарности... Но всё-таки он уже залопотал... И, значит, он ещё и запоёт, и запляшет... Он сейчас почти без обиняков мне заявил, что в своей нищете я виновата сама. Не сумела, дескать, сохранить своё достоинье... Весомый аргумент, но тебе, липучей заразе, ещё рано ликовать... Ведь я – не контужена, и с головой у меня всё в порядке... Я теперь знаю, чем тебя, шельмеца, брать... Ты ещё получишь от меня звонкую оплеуху... У тебя – четыре

слабости... Ты ещё далеко не стар, и от праздности и скуки ты обязательно захочешь активных действий... Ты фанатично сочиняешь роман, и теперь ты надсадно мучаешься над его фабулой и канвой... И хотя никогда ты не спал со своей окаянной сестрой, но втайне ты извращённо и жадно вожделел к ней... И ещё: ты способен меня полюбить...»

И вдруг Серов понял, что она, созерцая его лицо, прикидывает мысленно, готов ли он самоотверженно и пылко влюбиться в неё. А взор у неё был ясен, спокоен и глубок; и Серов различил в ней неуловимое, но бесспорное сходство со своей младшей сестрой. И вскоре он явственно ощутил, что он, действительно, способен полюбить свою назойливую гостью... А затем ему подумалось о том, что нынешние события могли бы оказаться превосходной завязкой для его психологического романа. И Серов ощутил задорный интерес к дальнейшим происшестввиям, а затем, молодежато ухмыляясь, произнёс негромко, иронично, но чуть напыщенно:

– Я, разумеется, дам безопасный приют верной наперснице моей младшей сестры. Я стану для вас паладином и рыцарем, ибо я доселе романтически чту древние легенды и традиции! Ведь я не позволил вытравить из себя офицерскую честь... И я чувю, что вы, действительно, опасаетесь за свою жизнь. А я хорошо умею отличать подлинный ужас от его искусной имитации. Вы обретёте в моём тереме спокойную гавань. Вы симпатичны мне.

И Серов в ожидании благодарственных излияний умолк, и она с облегчением подумала:

«И ещё тебе крайне интересно, что именно выспрашивали в следственном комитете о твоей кровосмесительной связи с собственной сестрой... Ты, похоже, не знал, какие позорные слухи распускает о тебе сестрица... И теперь ты, вероятно, опасаясь того, что эти облыжные и скабрзные наветы могли невзначай добраться до твоих боевых товарищей и до высшего начальства... А сейчас ты, будто целебного бальзама, ожидаешь порцию моей благодарности. Изволь, ты немедленно получишь щедрую дозу моей хвалы...»

И слёзы Алёны артистично увлажнили её глаза, и она внятно и растроганно прошептала:

– Я безгранично вам благодарна... У меня даже слезинки капают... И вы, право, не останетесь в накладе. Ведь искренняя доброта не пойдёт насмарку. Воистину, вы спасли мою жалкую жизнь, и я с умилением начну на вас молиться... И я сердечно рада снова очутиться в доме, где в лучшие времена я была счастлива...

И она кротко и тихо всхлипнула, а затем умоляющим тоном прошептала:

– Я уже давно – не капризная кокетка, и буду я здесь бесконечно рада любой захудалой и пыльной каморке! И всякому сорному и утлому закутку... Но ваша хлебосольная сестра всегда поселяла меня в бельэтаже. И я привыкла смотреть в окно на горные пики...

И он галантно и басовито ей заявил:

– Я прикажу вас поселить в апартаментах моей младшей сестры, ибо её комнаты и доселе нетронуты. Там в изобилии сохранились флаконы и тубики первоклассной парфюмерии вкупе с драгоценным дамским барахлом. Параметры вашей фигуры точно такие же, как у моей талантливой сестры! Повар и слуги поступают отныне в ваше полное распоряжение. Меню к нашему совместному обеду вы, пожалуйста, закажите сами. Я сейчас к вам пришлю моего дворецкого Тимофея! Попробуйте с ним поладить. Я не допущу кутерьмы в моём доме.

И Серов неторопливо поднялся с большого мягкого кресла, а затем он пружинисто и бесшумно удалился прочь; парадную дверь в гостиную оставил он распахнутой настежь. И Алёна вдруг услышала, как он зычно и выспренне повелел слуге:

– Ты немедленно оповести мою челядь, что Алёна Игоревна остаётся в моей усадьбе на правах почётной гостьи! Тебе, Тимофей, надлежит хорошенько это запомнить и более не кукситься... Любой лепет её – это мой непререкаемый приказ для вашей лакейской братии!.. Пусть шустро приготовят для неё покои моей сестры... И ты учти, что я теперь направляюсь восвояси, и там я пару часиков подремлю. Не смей меня беспокоить!

И вскоре в гостиную к Алёне вернулся подчёркнуто предупредительный дворецкий...

Шилов замер перед сумрачной Алёной в почтительной позе, и попытался он различить на лице незваной гостьи гримасу гонора, кичливости и спеси. Но ничего похожего дворецкий не разглядел... Перед ним, печально обмякнув, сидела на антикварном стуле смертельно изнурённая женщина в тщательно заштопанной одежде с облинялыми лоскутами и заплатами. И внезапно Шилов понял, что Алёна мечтает сейчас только о том, чтобы после горячей, парной бани рухнуть на чистую постель и забыться безмятежным сном... И Шилов решил немедленно помириться с нею, ибо ссора с женщиной, которая вопреки его изветам и клевете сумела вдруг обрести немалое влияние на их вельможного хозяина, показалась ушлому лакею весьма опасной. И теперь дворецкий мысленно укорял себя за то, что он за время своего достаточно продолжительного знакомства с Алёной так и не удосужился её постичь...

Он искренне считал её воплощением немислимых грехов, извращений и пороков, а её тело мнилось ему гадким сосудом и вместилищем нечестия. И теперь вдруг болезненно ярко вообразились ему адские муки умершей его хозяйки: рогатые черти с копытами и хвостами окунали нечестивую плоть в чаны и котлы с бурно кипящей смолой, а затем с бешеным хохотом поджаривали исковерканное и грешное об-

личье на углях и на большой чугунной сковородке. Но постепенно образ мёртвой хозяйки улетучился из болезненно жестоких грёз и мечтаний внешне безмерно почтительного лакея, и Шилову вдруг вообразились отвратительные и сексуальные пытки, которым черти обязательно подвергнут Алёну в своём адовом пекле. И Шилов, – хотя он великолепно владел мимикой своего лица, – почмокал тонкими губами плотоядно, развратно и алчно... И Алёна, заметив краешком глаза столь необычайное шамканье извилистых лакейских губ, вдруг нервно и судорожно встрепенулась, и вскоре оторопело встревоженный дворецкий почти физически ощутил её непомерные волевые усилия, с которыми она изгоняла из своего тела усталость. И очень быстро истинная усталость сменилась у Алёны всего лишь видимостью полного изнеможенья, а затем незваная гостья нарочито беспомощно пролепетала:

– Мой любезный Тимофей Захарович, вот я и снова здесь. И я, поверьте, уже ни капельки не сержусь на вашу странную нелояльность ко мне. Ведь я больше не оспариваю ваше право презирать меня, хотя прежде я никогда вас не обижала и не коробила. Разве я хотя бы один разочек была с вами надменной? Но вы имеете совсем другие критерии оценки человека, нежели я... И я ценю вашу рачительность...

И она лукаво и придиричиво посмотрела ему в лицо, и вдруг она явственно ощутила, что он искренне, – хотя и невольно, – благодарен ей за учтивость. Он растроганно

улыбнулся и пробурчал:

– Право, я смущён. Но вы не стесняйтесь меня... Я сейчас прикажу, чтобы чертоги покойной хозяйки привели для вас в абсолютный и стерильный порядок...

Алёна согласно кивнула головой и отозвалась:

– Я прикатила сюда вовсе не для того, чтобы затевать оголтелую распрю. Я не ищущу препирательств... Уж простите меня, Тимофей Захарович, за те грубые эпитеты, которыми я в сердцах вас обхаяла. Давайте прекратим зряшную хулу! Но нам обоим пока не надо афишировать наше примиренье и вероятный союз. Мы покамест будем старательно симулировать нашу вражду. Ведь наш хозяин до жути подозрителен... Рецидивы профессии пока ещё дают о себе знать... Я предлагаю вам, Тимофей Захарович, поладить со мной на этом...

И Шилов на всякий случай, из привычки к осторожности вдруг мастерски изобразил на своём лице лучезарную радость. Но Алёна, распознав интуитивно нарочитость его радости, предостерегла его:

– Вам не стоит со мной притворяться. Для того, чтобы наверняка облапошить другого человека, необходимо сначала обмануть самоё себя. – А затем после короткого молчания она, протяжно вздохнув, присовокупила: – Простите меня за неуместную сентенцию! Я ведь категорически не желаю ничего преступного! Я просто смиренно прошу вас уберечь меня от каверз и подвохов со стороны здешней ехидной че-

ляди. Ведь я – не преступница, и я никогда не была ею! Просто я очень не хотела, чтобы Галина, как чахлая крыса, околевала в паршивом изоляторе на скрипучей и жёсткой койке. И поэтому всю вину я взяла на себя... Но ведь и вам, Тимофей Захарович, грешно сейчас пенять на вашу покойную хозяйку!

И Шилов с нечаянной даже для самого себя заботой о ней вдруг промолвил:

– Вам сейчас нужно хорошо выспаться. У вас уже язык заплетается. Но даже самая лёгкая дремота, несомненно, освежит вас. Апартаменты для вас будут полностью готовы уже через двадцать минут.

И вдруг она нервозно спохватилась:

– Но мне же поручено составить меню к обеду! Хотя менее всего мне сейчас нужна парадная трапеза... Но теперь делать нечего!.. Пусть нам состряпают украинский борщ с молодой, но жирной говядиной, крупно нарежут на большом блюде ветчину, сало и сырокопчёную колбаску, а затем на стол подают баранье рагу со свежей картошкой, с артишоками и с густым соусом из чёрного перца. И пусть завершат наш обед ломтики поджаренной форели или осетрина в кляре... Не забудьте густую сметану, и красное натуральное вино из Тамани... У меня в крови не хватает гемоглобина...

И Шилов одобрительно произнёс:

– Вы угадали, что наш барин не слишком привередлив в еде. Заморские яства и деликатесы явно ему не по желуд-

ку! Наш хозяин будет весьма доволен теми скромными кушаньями, которые вы сейчас избрали. Но много он, конечно, не съест, поскольку он теперь мается на строгой диете. У нас обедают в два часа пополудни.

Она понятливо кивнула головой и проговорила:

– Время и порядок принятия пищи менять мы, конечно, не будем. В чужой монастырь не прутся со своим уставом...

И Шилов миролюбиво ей проворчал:

– Я всё понимаю и смеаю... Но я хотел бы надеяться, что меня не турнут отсюда...

– Всего доброго вам, – промурлыкала она, – и, пожалуйста, не держите на меня зла. Мы вместе ещё хлебнём из праздничного кубка! Мы, ликуя, выпьем заздравную чашу!.. И я больше не буду чопорной с вами... Но сейчас я не смею вас обременять!..

И он церемонно, но слегка юродствуя, поклонился ей в пояс, а затем направился прочь из гостиной. Алёна пристально поглядела на его ссутуленную спину и вдруг подумала: «Мне крайне необходимо покемарить, поспать... Хотя бы глоточек безмятежного отдыха... Ведь моё положенье пока ещё зыбко. Мне нужны силы. Но ежели я за обедом не совершу непоправимой ошибки, то я гарантирую себе безопасное обитанье в этом горном ареале... Надо поменьше трындеть и хныкать... Сейчас после контрастного душа с ароматным гелем я свалюсь в накрахмаленную постель и буду два часа дрыхнуть... А потом – косметика, макияж, грим и помада...»

И невольно она смежила уже неподъёмные веки, и вдруг она услышала, как Шилов аккуратно притворил за собою дверь...

6

Серов за столом в личном кабинете подробно записал свою беседу с Алёной в большую коленкоровую тетрадь, а затем упрятал наброски романа в сейф. После рассеянного блуждания по кабинету Серов уселся на мягкий диван и крепко задумался...

Он смутно ощущал, что в его сознании, психике и личности вдруг произошли чрезвычайно важные изменения, но он ещё не постиг, какие именно... А с ним всего лишь пару мгновений назад случилось то, что его периодические, временные состоянья «мистического зверя» стали, наконец, его подлинной сутью. Но всё-таки частица прежнего человека ещё сохранялась в нём...

Но теперь отставного генерала более всего волновали слухи, которые бессовестно распускала его младшая сестра. Он уже не сомневался в том, что эти позорные пересуды и сплетни достигли его товарищей и начальства. И, разумеется, достоверность столь важной информации была хотя и негласно, но скрупулёзно проверена. Были составлены протоколы, депеши, сводки и рапорты, а затем все эти документы бдительные секретари в погонах бережно подшили в папку с его персональным досье...

«Удружила мне ушлая сестричка, – подумал он, – не погнушалась она даже клеветой. А вдруг, – и Серов сладо-

страстно оцепенел на просторном и мягком диване, – сестра просто выдала свои сексуальные мечтанья за действительность. Ведь такие скандальные слухи не могли бы значительно увеличить безопасность моей окаянной сестры. Хотя, разумеется, люди всегда боялись тех, кто в принципе не имеет моральных и нравственных препон. А криминальные авторитеты могли бы до печёнок уверовать в то, что боевой и засекреченный генерал способен жесточайшим образом отомстить бандитам за свою родную сестру, которая вдобавок оказалась его любовницей... Но вдруг сестра всё-таки угадала те мои кошмарные чувства, которые я старательно, – хотя и тщетно, – таил внутри даже от самого себя? А вдруг она согласилась бы на извращённую взаимность?.. Неужели то безмерное наслажденье, которое я считал немислимым, было всё-таки мною достижимо?..»

И вдруг ему вообразились неистовые наслажденья с его собственной сестрою... А затем ему подумалось о том, что если бы он с предельной откровенностью вдруг описал в своём романе все эти эмоции, ощущения и события, то его книгу нормальному человеку было бы стыдно читать...

А вскоре он мрачно и злобно кручинился о том, что по нравственным соображеньям он упустил своё бурное наслажденье с сестрою. И чудилось ему, что его неприкаянная сестра горько упрекает его с небес за верность моральным заветам и догмам...

И, наконец, в воображаемых сценах буйных и извращён-

ных услад младшая сестра его начала превращаться в Алёну. И Серов принялся нервно, сладострастно и воспалённо размышлять о том, что его незваная гостья до странности похожа на его умершую сестру.

«Да, во внешности у них, пожалуй, не очень много сходства, – подумалось ошеломлённому Серову, – но внутренне они разительно похожи... Галина придирчиво выбрала себе в наперсницы своего интеллектуального и нравственного двойника; для неё были характерны подобные экзерсисы... Как, впрочем, и для меня... А ведь роман у меня получится грандиозный, не чета банальным шпионским детективам...»

И Серов, постепенно успокоившись, улёгся и удобно, и вальяжно на правый бок, а затем быстро и крепко заснул в ярких мечтаньях о своём писательском успехе. И приснилась ему гуманитарная конференция, на которой выступал он с рефератом на испанском языке и стяжал не только долгие аплодисменты, но даже овацию. Затем приснилось ему, что пузатые и рыжие попы в чёрных рясах обвенчали его в древней купольной церкви с бесноватой и юркой шаманкой, похожей на его младшую сестру. Такую колдунью повстречал он однажды в сибирской тундре...

Тимофей и одёргивал, и струнил господскую челядь уже без обычной своей кичливости и даже почти вежливо, но подчинялись ему более охотно и ретиво, нежели прежде. И вдруг ему чрезвычайно понравилась его показная учтивость со своими подчинёнными... Тимофей начал неосознанно приобретать замашки и манеры своих господ...

И вдруг его мысли об Алёне стали болезненно назойливы. Он тщательно и нервно обдумал свою беседу с нею и решил, что ничего лишнего он не сболтнул. А затем он начал тревожно кручиниться о том, что не сможет он подслушать во время обеда судьбоносную и роковую беседу своего хозяина и незваной гостьи... Тимофей не сомневался в том, что за этой господской трапезой определится его судьба...

А после ванны и студёного душа благоуханная и чистая Алёна свалилась нагишом в накрахмаленную постель и перед тем, как позволить себе крепко заснуть, подумала:

«А ведь хозяин этих хором специально не даёт мне выспаться. Этот помпезный обед нужен мне сейчас, как коклюш ребёнку. Мне теперь достаточно сожрать четыре чёрствых пирожка с ливером. А свои яства пусть лопаёт сам... Но пренебрегать и манкировать мне пока нельзя... Наверное, он полагает, что я от бессонницы останусь и впредь не вполне адекватной, и желает из меня споро вы-

удить очередные порции весьма актуальной для него информации... Так вот: дуля, кукиш тебе... Ядрёный шиш с тумачками и прихлопом... Я ещё не пала столь низко... Один час мне потребуется на грим, гардероб и парфюмерию... А ещё верней, на макияж мне нужно полтора часа... Итог: на отдых мне отведено чуть более трёх часов... Маловато, но всё-таки я не просплю, как нерадивая цаца и лялька. Хотя дворецкий из вредности не притопает сюда, в эти аляповатые чертоги, чтобы дружески растормошить меня к нужному сроку... Мне важен вовсе не результат, но безупречность моих действий в течение самого процесса... Одеяла и пледы всегда здесь были из шерсти молодых верблюдов, но перины чересчур пышные... В опочивальне ещё сохранились запахи прежних благовоний...»

И Алёна, ощупав кончиками пальцев бледно-голубой под одеяльник, плотно укутала своё нагое тело, а затем она уронила чуть влажную голову на тугую подушку в белой наволочке и крепко заснула...

Вычурная столовая была модным столичным дизайнером отделена с несомненной претензией на готический стиль; на высоких оконных витражах были изображены сцены Благовещенья, Рождества и поклонения волхвов. На мозаичном полу ярко красовались узоры пёстрых осенних цветов. Приторно пахло лавандой... Овальный дубовый стол покрывала золотистая парчовая скатерть, заставленная старым русским фарфором. Серебрились ножи, вилки и ложки; тускло мерцали разнообразные хрустальные сосуды, и темнел на середине стола высокий глиняный кувшин с ледяным бруснично-ежевичным компотом... Возле дальней стены почтительно замерли двое бородатых верзил-официантов в белых лайковых перчатках и в розоватых фраках...

В трапезную бесшумно проскользнул напыщенный дворецкий Тимофей в чёрном парадном костюме и повелительным жестом прогнал официантов вон. Громоздкие напольные часы звонко пробили два часа пополудни, и в тихую столовую порывисто вошла Алёна, одетая в чрезвычайно дорогое, но подчёркнуто скромное платье с маленьким декольте. Но её шею багряно краснели коралловые бусы. Ажурные чулки на её сильных ногах были телесного цвета, а новые туфли на высоких каблуках отливали чёрным лаком. Её причёска была изысканно-гладкой и очень похожей на ту, кото-

рая несказанно красила прежнюю, – уже почившую в бозе, – хозяйку усадьбы...

Алёна плавно подошла к окну и сквозь цветное стекло посмотрела на горные пики и на скалистый хребет. Витражные стёкла в столовой были прочными и толстыми...

«Да, – подумал Тимофей, глядя ей в спину, – в нашей гардеробной ещё имеется много обуви и нарядов, которые прежняя хозяйка ни разу не надевала. Госпожа Алёна не похристиански грешит чистоплюйством, и поэтому она брезгует облачатся в чужие, хотя и постиранные прачкой обноски... Она напялила на себя только новые вещи... А нижнее бельё на ней, конечно, абсолютно стерильно... прямо из магазина или модной лавки...»

После этих мыслей дворецкий негромко обратился к Алёне, стараясь, чтобы ни единая нота в его голосе не прозвучала фальшиво или фамильярно:

– Всё ли у нас в порядке, милостивая госпожа? Я старался соблюсти всё. И я надеюсь, что мне удалось вам потрафить...

И вдруг Алёна, не оборачиваясь, дёрнула неволью плечами, и Тимофей сразу умолк, поскольку он досадливо заметил, что гостью весьма покорибило простонародное словцо «потрафить». Доселе этого вульгарного выраженья не было в его лексиконе...

Затем Алёна, глядя по-прежнему в цветное окно, молвила:

– У вас, любезный Тимофей Захарович, вдруг появил-

ся некорректный жаргон. И моментально стало заметно, что в этом прелестном гнезде поселился новый хозяин... Галина была утончённой стервой и не терпела уличной фени... А ваше словечко сильно отдаёт подворотней, площадью и казармой; оно допустимо в устах только грубого и матёрого прапорщика...

На миг она задумалась, а потом присовокупила:

– Впрочем, хорошо, что выразились вы именно так, ибо я теперь поняла, с кем предстоит мне вкушать пищу. А то у меня вдруг возникло дикое ощущение, что Галина вовсе не покинула земную юдоль и вот-вот примчится к нам своей летучей походкой. Полное дежавю!.. Но в тех угарных и оргических сутках была своя прелесть!.. Любовные фантазии, экспромты и импровизации! А нынче, – и она скорбно усмехнулась, – иные проблемы... Вместо престижного эскорта – тюремный конвой и этапные заплесневелые вагоны!.. Стряслись кардинальные перемены...

– Да, времена и обстоятельства разительно изменились, – резонно согласился Тимофей; а затем он сделал пару жевательных движений нижней челюстью и сказал: – Госпожа Галина была мужественным и храбрым человеком. И даже в критические и кризисные дни она не позволяла себе казаться взбалмошной и сварливой...

И Алёна, повернувшись к нему, осведомилась рассеянно и хмуро:

– Так ли кулинары приготовили обед, как я просила?

Тимофей ослабился и ответил:

– Все пищевые продукты сварены и зажарены именно так, как вы велели. Ваше меню полностью и точно соблюдено, а старые бутылки с таманским вином уже приготовлены.

– Наш харизматичный хозяин уже слегка опоздал, – посоветовала она и хищно прищурилась, – он заставляет себя ждать. Он – не пунктуален!.. Что ж, – и она украдкой вздохнула, – он теперь имеет на это неотъемлемое право! Ведь я нынче – всего лишь нахлебница и лизоблюдка...

Тимофей, не возражая, пытался молча обуздать в себе мысли, которые вдруг всколыхнулись и замельтешили в его сознании. Но, однако, дворецкому не удалось унять свои нахлынувшие мысли, и он принялся думать ожесточённо и ясно:

«Неужто ты полагаешь, что твоё прежнее положение было здесь менее позорным? Превратиться в куклу и зазнобу развратной бабы... Нет, хорёк, ты обязана понять, что смазливая мордашка – это не причина для оправдания греховных проказ... Сволочь ты ядрёная... Хотя имеется в тебе неизъяснимая прелесть... Не попрёшь против явного факта...»

И вдруг ему показалось, что наитием она проникает в его мысли, и мельком он глянул на её скорбное лицо, а затем, слегка пошатнувшись, отпрянул назад. И она по этим его движениям постигла, что он боится сейчас её проникновенней в его мысли. И, как только она это сообразила, она поняла, что он думает о ней плохо...

«Ах, драповый чертяка, – вдохновенно размышляла она, – всё-таки, шельмец, ты осмелился попрекать меня связью с Галиной. А ведь ты уже начал притворяться ласковым панинкой. Симулировал свою угодливую и прыткую приязнь ко мне. Напускал на лицо симпатичные гримасы. Но я внушила тебе бессознательный страх перед моим нечаянным проникновением в твои окаянные мысли, и вдруг наитием я поняла их...»

И она победоносно и гордо посмотрела на Тимофея, и тот начал обескуражено и робко переминаясь перед нею. Затем она порывисто поворотилась от него и, глянув в окно, подумала:

«А ведь я, пожалуй, сейчас открыла всеобщий закон понимания людей... Если вдруг я внушу человеку бессознательную боязнь того, что я способна проникнуть в его мысли, то я, действительно, постигну их... Всякий страх в интеллектуальной сфере всегда действует предательски... Совершенно ясно, что хитрый дворецкий Тимофей очень боится потерять свою завидную должность. Ведь его непрерываемая власть в усадьбе делает его чрезвычайно влиятельным и в деревенской религиозной общине. Я ручаюсь, что втайне он мнит себя пророком. Не ниже мусульманского пророка Мухаммеда... Умора... Но ведь у Мухаммеда большую часть его жизни количество адептов и приверженцев не было значительным... И даже если Тимофей, действительно, неприязнителен и скромн, то я, всё равно, буду с ним вести себя

так, будто он уже полностью захвачен маниакальным стремлением к славе великого религиозного реформатора, проповедника и риторика... И в нём обязательно появится эта болезненная одержимость...»

И вдруг Алёна изумилась тому, насколько сильно она внутренне изменилась после своего последнего пребывания здесь. Эти перемены показались ей колоссальными... И она, пройдясь кругами по столовой, придирчиво посмотрела на себя в большое венецианское зеркало, висевшее на дальней стене. А вскоре Алёна весело и облегчённо вздохнула, поскольку она решила, что её внешняя прелесть за время мытарства почти не обрела изъянов...

А затем она перед зеркалом размышляла о том, что её внутренне преобразила к лучшему только смертельная опасность. А крайнему риску подвергали Алёну обширные познания в финансовых, деловых и спекулятивных секретах бывшей её хозяйки. «Наша доморощенная, замузванная и зачуханная мафия, – подумалось Алёне возле зеркала, – пока не даёт мне спуска. Ведь Галина была чересчур азартна... Но теперь у меня появился надёжный защитник. Он способен и готов беречь и оборонять меня... Но ссориться с Тимофеем – это нерасчётливо, ибо распри мне сейчас ни к чему. Мне нужно обласкать, приголубить и поощрить дворецкого. И я брюхом чую, что он поддастся на мои коварные посулы... А воля его, возможно, вскоре сломается и рухнет...»

И она порывисто повернулась к Тимофею, и снова он поразился её странному сходству с недавно усопшей от быстротечного рака хозяйкой усадьбы... «А вдруг и эта волшебница и ведьма, – подумалось ему, – заражена неизлечимой онкологией?.. И растёт у феи кошмарная опухоль... Неужели и эта дивная колдунья станет от хворости одутловатой и обрюзгшей?.. Меланхоличный получится курьёз...»

И вдруг дворецкий несказанно удивился своей жалости, которую, несомненно, готов он питать к Алёне, если та опасно заболит и окажется накануне летального исхода. Тимофею невольно воображались трогательные сцены сердечной его заботы о смертельно больной гостье, и он искренне умилялся своей добротой. И он безмерно удивлялся тому, что он почувствовал в себе природную отзывчивость, о которой прежде он даже не подозревал. Он всегда оценивал самого себя, как человека весьма практичного, хотя и благочестивого до суровости. Он гордился своей непреклонностью к еретикам, а таковыми он считал всех обитателей планеты Земля за редким исключением особо почтительных к нему людей. Но заядлыми и крамольными грешниками мнил он буквально всех, даже самых беспристрастных членов религиозной общины из его захолустной, глухой деревни. Однако в число охальников и грешников он с лицемерной и ханжеской самокритичностью включал и самого себя; при этом он спесиво гордился своей объективностью и беспристрастием к самому себе. И он уже свято поверил в то, что его лёгкие порицанья

самого себя дают ему полное и неотъемлемое право на беспощадность и подлость по отношению к другим людям...

Тимофея вдруг ошеломило и потрясло внезапное проявление у него зряшного чувства собственной врождённой доброты; воспринять дворецким самого себя стало неясным, зыбким и болезненно неопределённым. А вскоре он перестал понимать, кто, в сущности, он такой?.. И затем показалось ему, что его личность напрочь утратила все свои характерные свойства, и почти сразу его собственная воля совершенно исчезла; вдохновенная Алёна моментально ощутила это наитием...

А затем у неё появилось бесовское желанье всегда иметь для своих целей безропотно-покорную, но чрезвычайно опасную для прочих людей марионетку или куклу... А дворецкий Тимофей, – очень кстати для её такого намеренья, – был жесток, расторопен, пронырлив и гибок... И нынче обнаружили у него весьма полезные ей психические комплексы... И Алёну начали искушать сильнейшие соблазны безмерной власти...

И вдруг Алёне подумалось о том, что она состоит не только из памяти, плоти, чувств и мыслей, но также из таинственной и пока ещё не определённой субстанции, которая позволяет постигать наитием других людей... И Алёна мысленно обозвала эту реальную для неё субстанцию собственным термином: «загадочная ипостась». Но растущий соблазн владычества полностью в ней заглушил на время все дальнейшие

попытки классификаций новых психологических категорий, качеств и сущностей...

В её воспалённом воображении начали вдруг роиться сцены всеобщего раболепия перед нею; на мгновение она устыдилась этих своих мечтаний. Но ей уже безмерно надоело постоянно ощущать себя затравленной и бесправной тварью, и вдруг болезненно ей захотелось немедленной компенсации за свои долгие пресмыкательства. И Алёна мысленно приказала себе: «Теперь я обязана держать себя так, чтобы он фанатично сам пожелал собственного превращения в мой безропотный и точный инструмент... в деталь моей конструкции... в моё надёжное и самоотверженное оружие... Я сейчас должна совершить всё необходимое для того, чтобы навеки он холопски и неистово влюбился в меня, но, однако, ничего не требовал взамен за свои услуги...» И сразу после этой чёткой и ясной команды самой себе вдруг начала Алёна говорить и действовать без всякого участия своего рассудка...

И ей показалось, что в ней уже полезно действует та мистическая сущность, которую она сейчас поименовала «загадочной ипостасью». Алёне стало легко и комфортно, и вдруг появилось у неё азартное и приятное волнение и, – самое главное!.. – абсолютная уверенность в неминуемости скорой удачи. А затем Алёна явственно ощутила, что взоры её стали вдруг точно такими, какими она, оголодав, созерцала деликатесные кушанья в своей тарелке. И Алёна томно и властно

молвила:

– Ах, Тимофей Захарович! Вероятно, вам уже скучно притворяться, что вы млеете от радости, внимая очередному фарсу или вздору капризных выскочек. Ведь те ушлые остолопы, кто в газовые витязи или в бензиновые князья скакнули сразу из болотной грязи, часто совершенно несносны! У таких наглых прыгунов из плебейского племени гораздо больше снобизма и спеси, нежели у природных аристократов. Я великолепно знаю их прослойку, поскольку однажды мне довелось очутиться в их среде. Случайно, конечно, но я попала в их банкирски-нефтяную сферу, и в их элитарном сонме я была точно такой же, как они... Однако меня, в отличие от них, угораздило вляпаться в штрафной изолятор, в тюрьму и в лагерную зону, где лакомством иногда мне мерещилась жидкая и гнилая баланда! И я стала иной... По неволе на жёстких нарах в бараке сделаешь кардинальную переоценку приоритетов, критериев, идей и притязаний... И я обрела стержень!.. Верьте только мне, любезный Тимофей Захарович! Мы – одного сапога пара!.. Мы – одна шайка-лейка... Внимайте мне с полной покорностью, с ретивым усердием и без претензий...

И вдруг она изумилась перемене в своём голосе, который уже приобрёл волхвующие и хрипло-шаманские интонации. Она широкими кругами прошлась по столовой, а затем негромко, но внятно повелела:

– Присядьте на стул, Тимофей Захарович, и абсолютно

расслабьтесь.

Она с трепетом ожидала выполнения своего приказа и уповала на безмерно желанное чудо... И вдруг дворецкий с радостью уселся на стул возле окна и мгновенно обмяк. И сразу она слегка, но победно разинула рот, чтобы, немедленно, начать свои корыстные внушения, но в столовую осанисто вошёл Серов в чёрных просторных брюках, в сиреневой шёлковой блузе и в замшевых мягких туфлях...

Алёна горделиво и радостно подметила то, что угодливый дворецкий Тимофей при появлении своего хозяина не вскочил с обычным подобострастием со стула и не изогнулся в церемонном полупоклоне, но остался сидеть возле окна расслаблено и неподвижно. «Значит, – весело сообразила она, – дворецкий уже абсолютно мне покорен. Я охмурила его... Однако мне сейчас нельзя допустить, чтобы хозяин это заметил. Необходимо срочно изменить ситуацию...»

И Алёна быстро прошептала дворецкому на ушко:

– На короткое время, Тимофей, ты побудь прежним. Будь, как встарь, неторопливым, плутоватым и степенным. Но ты навеки запомни, что именно я отныне – твоя всевластная хозяйка. Вставай и служи.

И Тимофей, вскочив проворно со стула, произнёс негромко и слегка жеманно:

– Я почтительно рапортую вам, уважаемый Вадим Ильич. Всё в полном и безупречном порядке... Яства приготовлены отменно вкусно... Я сам дегустировал их...

А Серову вдруг настолько захотелось показаться Алёне барственным, высокомерным и властным, что он, занятый всецело своим актёрством, не сумел в эти миги осмыслить достаточно явных и странных перемен в поведении своего дворецкого. И, в придачу, крайне пунктуальный хозяин

усадыбы вдруг устыдился своего опоздания к обеду...

А опоздал он потому, что придирчиво и прилежно он выбирал себе одежду к предстоящей трапезе. Ведь ему очень хотелось облачиться именно так, чтобы и щегольнуть перед зоркой и умной гостьей достоинствами своей фигуры, в которой ещё не было даже намёка на излишний жирок, и, одновременно, показаться влиятельным, солидным, хотя и опальным вельможей. И ещё хотелось ему подчеркнуть свои одеяньем, что милая гостья может вести себя за обедом раскованно и непринуждённо...

Но все эти разнообразные притязанья и хотенья оказались причиной того, что Вадим Ильич был к обеду наряжен весьма пошло и даже чуть потешно. И Алёна, глянув мельком на хозяина усадьбы, едва сдержала ехидную усмешку...

Однако бездомная и затравленная гостья отлично понимала, что нельзя ей сейчас безнаказанно раздражать или бесить того, кто уже милостиво готов предоставить ей надёжную защиту, деньги и кров, но кто при малейшей нужде или ghjcnj просто из прихоти способен уничтожить свою жалкую подопечную... И вдруг Алёне померещилось, что хозяин усадьбы нарядился к обеду с изощрённым и тонким искусством, и теперь он выглядит, как истый патриций-аристократ. И, как только у неё появилось это весьма лестное для её покровителя и протектора – и, значит, вполне безопасное для неё самой – восприятие, она разрешила себе стать искренней. И вскоре она благодарно, застенчиво и восхищённо

улыбалась ему, и был он безмерно доволен произведённым на неё впечатленьем...

А Тимофею подумалось о том, что он сейчас едва не оказался под жестоким игом необоримых и дивных чар. И не сразу он смог сообразить, как ему нужно относиться к тому, что, благодаря чистой случайности, он всё-таки не попал под рабское ярмо. Но затем с изумленьем он постиг, что он сильно сожалеет о своём несостоявшемся рабстве...

«Ну, почему, – лихорадочно и угрюмо размышлял Тимофей, – скорблю я том, что я только случайно не стал балаболящей игрушкой этой привередливой твари? Ведь она рада шокировать любого... Однако, она способна и вкрадчиво улещать... Она лопочет, будто шаманским дурманом опаивает. И это состоянье наркотически сладостно... Но всё-таки подлинная причина вовсе не в причудливых байках и не в искусном её волшебстве... А истинная причина в том, что я слишком дорожу своей выгодной должностью в усадьбе... Ведь беспредельно самоотверженного слугу никогда не турнут отсюда, как своевольного озорника... А ситуация быстро и разительно меняется, и Алёна неумолимо обретает здесь подавляющее влиянье... А наш доминантный хозяин-самец, похоже, оробел и даже сдрейфил... Хотя ему и хочется казаться чванным... Я вынужден переметнуться...»

И лакей почувствовал своё превосходство над своим сникшим господином...

Дворецкий рассуждал достаточно здраво... Если он без-

мерно дорожит своей должностью в усадьбе, то он постоянно должен проявлять полную готовность на рабское пресмыкательство. Ведь безупречно раболепных и рьяных стремянных, как правило, господа не прогоняют. Ушлых подхалимов хотя и презирают напоказ, но втайне всё-таки дорожат ими... А если Тимофей будет по-прежнему отбирать рабочие кадры для барской усадьбы, то он, несомненно, сохранит своё громадное влиянье в бедной, оскудевшей деревне, где иной денежной службы попросту нет. А такое положение сулило дворецкому непререкаемую власть в религиозной общине...

Да и кто из влиятельных персон узнает о его позорном поприще?.. Важные особы и хозяева непременно воспримут его лесть и угодливость, как всего лишь должное выполнение лакейских обязанностей, и не станут о таких пустяках публично разглагольствовать. А батраки и слуги вовеки не посмеют из лютого страха перед крамолой и кощунством осудить своего сакрального лидера...

Конечно, о его холопстве и сраме будет прекрасно знать Алёна. Но разве в её интересах афишировать свою полную власть над дворецким, который согласно общепризнанным идеям управления должен подчиняться только одному человеку: владельцу усадьбы?.. Ведь потаённая, скрытая власть всегда эффективнее явной...

Но у Тимофея было ещё одно смутное ощущение, которое дворецкий не смог осознать чётко и ясно. Фактический управитель усадьбы неосознанно ощущал, что подозритель-

ная и дошлая Алёна, которая вскоре обязательно начнёт безотказно помыкать отставным генералом, никогда полностью не доверится тому, кто ещё сохраняет собственную волю. И, значит, его собственную волю необходимо – для успешного продолженья его карьеры в усадьбе – заменить жестокой и непререкаемой волей новоявленной госпожи...

Да и зачем ему, в сущности, нужна его собственная воля? Ведь житьё по своей воле и хлопотно, и докучно... И разве не жил он доселе именно по своим хотеньям?..

Ведь бывшая хозяйка Тимофея считала дворецкого мелкой сошкой и не обращала на него особого вниманья, поскольку те суммы, которые он пронырливо похищал у неё, не казались ей чересчур значительными. Авантажная и харизматичная Галина Ильинична никогда не была скупердьяйкой... Да и брат её, занятый всецело своим романом, не встревал в инциденты о мелких кражах, и поэтому Тимофей почти всегда имел полную возможность и при новом хозяине бесконтрольно делать всё то, что считал нужным. В сущности, тороватый дворецкий по формальным признакам мог считать себя совершенно свободным. Но чем же именно его одарила такая свобода, если теперь он постоянно мечется, трясётся и робеет из опасенья утратить свою должность? Неужели полной свободы в подлунном мире нет вовсе?.. Разве человеческая свобода – это всего лишь заманчивый мираж или причудливый миф?.. А ведь можно предположить и то, что именно в полной готовности оказаться

в любой момент безропотным и верным рабом и заключается высшая человеческая свобода...

И вдруг Тимофей устрасился этих своих мыслей, поскольку они показались ему чересчур мудрёными для обычного дворецкого. Оригинальные и свежие идеи были, дескать, ему не по чину... Неужели Всевышний решил внезапным ниспосланием весьма опасной мудрости наказать за грехи своего раба?.. Ведь великие мудрецы и пророки во все времена были чрезвычайно часто гонимы и сиятельными господами, и взбудораженной толпой черни...

А затем оторопелому Тимофею подумалось о том, что было бы для него гораздо лучше, если бы все эти сумбурные мысли вовсе не появились в его сознании. И сразу Тимофей начисто позабыл все эти всполошённые раздумья...

Но осталась у дворецкого умилённая готовность подчиняться новоявленной госпоже беззаветно и расторопно. И Алёна, ощущая в нём такую готовность, подумала расчётливо и вдохновенно:

«Было бы для меня очень славно, чудесно и хорошо, если бы удалось мне добиться того, чтобы отставной генерал обрёл, наконец, такую же покорность, как этот слуга. Раньше дворецкий был со мной хамоватым и дерзким, но теперь он – паинька... А я должна по-прежнему оставаться меркантильной и прагматичной...»

И она лукаво и нежно посмотрела на хозяина усадьбы... И мгновенно ему вспомнились те чувства, которые на войне

у него всегда возникали накануне смертельного риска и почти неминуемой гибели. Это были чувства неизбывной любви и нежнейшего сострадания к отцу и матери. И были ещё угрызенья совести, которые неизменно вызывали в нём лютую ненависть к окаянному врагу. А жуткие угрызенья совести у него всегда возбуждало извращённое и тайное влечение к родной сестре. И тогда в его сознании тошнотворно мелькало трудное слово «сублимация». И, вдобавок, он перед боем всегда испытывал страх...

Но, как и на войне, у Серова вдруг появилось горделивое и привычное ощущение того, что его страх перед смертью будет сейчас непременно преодолён. И, действительно, вскоре матёрым генералом овладел рутинный боевой фатализм... «Будь, что будет...» – по традиции подумалось опытному солдату, и хмельные соки воинственных пращуров шало возбуждали его...

И пафосное возбуждение Серова вдруг передалось Алёне, и почудилось ей, что в её теле заструилось душистое тепло. И появился в её глазах мерцающий блеск, а губы её в красной помаде слегка приоткрылись... И вдруг ей померещилось, что на пару секунд он превратился в его собственную сестру...

Тимофей импульсивно переминался и, внимательно поглядывая на господ, молчал...

Внезапно в широко распахнутые окна засквозил горный и студёный ветерок со смешанным запахом хвои, палых листьев, осенних цветов и почвы. И три напряжённых человека в столовой одновременно и зябко вздрогнули, ощутив этот лёгкий ветер. Затем они быстро переглянулись, и показалось им, что у всех троих одинаково шевельнулись ноздри... Наконец, вельможный хозяин усадьбы начал придиричиво созерцать безупречно сервированный стол...

А вскоре дворецкий церемонно и длительно поклонился в пояс, и хозяин усадьбы с нетерпеливым блеском в карих глазах пробурчал:

– Давайте же кушать. Я сегодня нагулял аппетит. Да и вы, сударыня, безусловно, проголодались.

И Серов привычно, но всё-таки слегка суетливо расположился за столом на самом высоком и увесистом стуле. Алёна с неподвижным и чопорным лицом уселась напротив хозяйина поместья, поскольку именно там сверкал и матово светился под лучами солнца предназначенный для неё столовый прибор. Тимофей гулко и нервно похлопал в ладоши, и без промедленья в столовой появились двое бородатых лакеев в белых лайковых перчатках и в розоватых фраках с искрой. Официанты юрко втащили на пёстрых и металлических подносах и ярко-серебристые судки, и серую чугунную сково-

родку с чеканной крышкой, и пузатую эмалированную кастрюлю с длинным и кропотливо надраенным черпаком. Тимофей старинным и причудливым штопором аккуратно вынул пробки из винных бутылок...

Хозяин и его гостя ели неторопливо, молча и с удовольствием, но красное и густое вино в хрустальных бокалах оба сотрапезника, не чокнувшись, только пригубили. Вышколенные официанты служили бесшумно и расторопно, а Тимофей понимал, что его господа терпеливо ожидают, когда заботливые слуги оставят их наедине...

Тимофей уже смирился с тем, что сегодня не удастся ему тайком подслушать господскую беседу. Затем дворецкому почудилось, что не будет он подслушивать важный для себя барский разговор только по причине своего благородства...

Наконец, Серов порывисто махнул батистовой салфеткой и властно пробормотал:

– Я больше здесь не задерживаю ни тебя, Тимофей, ни нашу челядь.

Официанты сноровисто и беззвучно собрали и вынесли из столовой грязную посуду. На золотистой кружевной скатерти остались только две откупоренные и уже початые бутылки с таманским вином, пара хрустальных бокалов и большое фарфоровое блюдо с голландским сыром и с кавказской солёной брынзой. И ещё на столе остался в античной греческой вазе десертный виноград без косточек...

Затем уже и Тимофей, пятясь и кланяясь, покинул своих

сытых господ; полированную массивную дверь старательный слуга притворил за собою очень плотно...

Серов медленно и со вкусом отхлебнул из своего бокала основательный глоток ароматного хмельного вина и поощрительно изрёк:

– Мне очень понравился ваш выбор напитков и блюд. Именно эти нектары и яства избрала бы моя сестра. И наряд её оказался бы точно таким же, как у вас теперь. Такие же духи, макияж и грим... И все эти подобности, сходства и дешавю показались мне сейчас бесовски завлекательными...

Она учтиво улыбнулась ему и, слегка ломая свои пальцы, ответила:

– Я очень рада вашей лестной оценке. Я счастлива тем, что угодила вам! Поверьте: я хотела бы полностью уподобиться вашей сестре. Стать для неё не только нравственным, но и телесным двойником. Ведь я безмерно обожала её и всегда была готова спать около её постели даже на кошачьей циновке...

Алёна вдруг умолкла и подумала:

«Посмотрим, как ты сейчас клюнешь на мою нарочитую оговорку о кошачьей подстилке... Ведь по логике моей реплики следовало талдычить именно о моей собачьей верности... Кобели и суки – существа верные, прямые и честные... А кошки разные бывают... И среди них – пантеры и рыси...»

И Серов среагировал вполне предсказуемо для неё: приосанившись, он назидательно молвил:

– Вы сейчас допустили опасную оговорку. Прямо по теории Фрейда... Вам нужно было сказать: «Спать около её постели на собачьей циновке». Именно на собачьей!.. А вы, оговорившись, упомянули кошку... А ведь загадочному семейству кошачьих, в отличие от собак, верность не свойственна... Сколько кошек не корми и не ласкай...

И вдруг Алёне подумалось о том, что сначала она совершенно непроизвольно оговорилась, и уже только потом она сочла свою оговорку нарочитой. Но вскоре Алёна напрочь позабыла эту весьма обидную для неё мысль и окончательно уверилась в нарочитости своей оговорки о кошке...

И Алёна, глянув исподлобья на импозантного Серова, отпила глоток вина из своего бокала...

А Серова вдруг хищно возбудили её словесные огрехи, которые он со злорадным и страстным удовольствием счёл очевидными симптомами её духовной ущербности. И это возбужденье становилось тем более сильным, чем больше сходства он замечал между Алёной и своей рано умершей сестрой. И вдруг ему почти дословно вспомнилось то, что Алёна говорила о конфиденциальных, но несметных активах его покойной сестры и об её секретных, но жирных депозитах в зарубежных банках. Но вскоре Серов отчётливо понял то, что эти воспоминанья о щедрых посулах Алёны не были в нём порождены банальной алчностью: ведь чрезмерная жадность не была ему свойственна. Нет, его необоримые вожеленья к потаённым сокровищам сестры были в нём по-

рождены отнюдь не его скупостью, а совсем другими и весьма сложными чувствами...

Серов уже начал болезненно отождествлять Алёну со своей извращённо любимой, но, увы, умершей сестрой. А ему уже давно и мучительно хотелось, чтобы его сестра полностью утратила престиж, влияние и богатство, а, значит, и независимость, ибо он ещё в раннем отрочестве произвольно начал домогаться безраздельной власти над своей единокровной возлюбленной. Девичьи, а потом альковные и деловые тайны обожаемой сестры ревниво бесили его. И теперь все эти жутковатые чувства он извращённо перенёс на Алёну, и страстно ему захотелось, чтобы она вечно оставалась убогой, отверженной и нищей. Ведь финансовая, а тем паче квартирная зависимость всегда означала гарантию беспрекословной покорности...

И Алёна вдруг начала ему ярко воображаться нагой, безропотной и послушной...

Но внезапно он ощутил в себе привычный и чисто профессиональный азарт, и грозно и страстно захотелось Серову, преодолев опасные препоны, заполучить остаток законного наследства. Ведь иначе деньги и активы сестры могли бы достаться её зазнобам и хахалям...

Алёна по его жадным и пытливым взорам на её лицо поняла, что он ощутил, наконец, пылкое и необоримое влечение к ней. И сразу потаённо к ней вернулась её прежняя самоуверенность, а затем появилось у Алёны сладостное чув-

ство превосходства над ним. Но она не позволила себе утра-
тить контроль над своими фразами, поведением и выраже-
нием лица; она трезво, но радостно подумала:

«В моих отношениях с ним уже появилась полезная мне
динамика, но мужчинам нельзя говорить правду...»

А Серов угрюмо и лицемерно молвил:

– Такие вот коврижки и пироги... Я довольно часто раз-
мышляю о своей умершей сестре, и всегда я досажую на то,
что её страшное успенье прервало её прекрасное поприще...
Однако, для неё была вполне возможна и более благород-
ная стезя, нежели пошлое накопленье богатства... Моя сест-
ра могла бы достигнуть уникального положенья...

И Алёне вдруг отчаянно захотелось едко уязвить его,
но возражала она печально и сочувственно:

– И я чрезвычайно скорблю об этом, но достигла она весь-
ма многого... И поверьте: она стала вдруг намного привле-
кательней, когда узнала, что дни её сочтены. Вот именно
за это можно её по-настоящему уважать и любить. Не за бо-
гатство, а за жгучее достоинство, с которым она умирала.
Меня буквально жалило её самообладанье!.. Разве не про-
явилась в этом её уникальность?.. А другие всюду распро-
страняли токсины страха и напрасной мольбы...

Он оторопело и страстно глянул на неё, и она, помолчав,
присовокупила:

– Но у вашей сестры было большое, неисчерпаемое горе:
она существовала только для одной себя. У неё всегда на-

блюдалось внутреннее безразличие к людям. Вкупе с аллергией на душевность... Нет, ваша умная сестра быстро научилась быть учливой, толерантной и корректной, но на мир она смотрела сквозь призму своего чудовищного эгоизма. Ей часто мерещилось, что она – подарок всему человечеству! Почти мессия! Она никого не считала ровней себе... И только перед смертью проявилась в ней истинная человечность. Лишь накануне неизбежной и очень мучительной кончины ваша сестра стала настоящей... И тогда я поняла, какими редчайшими достоинствами одарило Провиденье эту великодушную женщину. Но почти все они сгинули втуне...

Он растерянно и с нервной запинкой пробормотал:

– Но всё-таки вы... пожалели мою сестру...

Алёна пожала плечами и тихо произнесла:

– Да, я пожалела её... И, хотя она была безмерно мне благодарна, но её коробила такая коллизия. Ваша сестра любила, когда все люди вокруг полностью зависят от неё. И было ей весьма нелегко принять мою милость. Галина перечила, спорила и неоднократно порывалась всю вину принять на себя. Но она всегда была болезненно брезгливой, и её в нашей затхлой тюрьме и на таёжной лагерной зоне перманентно тошнило бы до конвульсий и до рвоты. А там подобной галантерейности не терпят...

Алёна судорожно поморщилась, а затем грустно уточнила:

– На время следствия у меня отобрали подписку о невыезде. Следственный изолятор миновал меня. И я довольно

часто навещала вашу сестру в онкологической клинике, вернее в роскошном хосписе. Но срок заключения был у меня реальным. Хотя и с амнистией... У меня взяли всё... Но я не избалована... Нет, я – не чета вашей сестре! Она не опустилась бы до полной нищеты. И она всё-таки сумела быстро и колоссально разбогатеть, а я – нет...

И вдруг ему очень захотелось отпустить её утешительные комплименты, и он бодро заявил:

– Мне кажется, что вы сейчас лукавите! Просто вы поздно появились на финансовом ристалище! И все заманчивые активы и фонды успели уже до вас и прикарманить, и приватизировать, и чисто по-шакальи расхитить. Но если бы вы, бедняжка, не опоздали, то всё наверняка сложилось бы иначе.

Она огорчённо усмехнулась и сказала:

– У меня просто не было такого завидного брата, который оказался у неё. Ведь элитарное родство очень многому способствует... Иначе, большинство её начинаний пошло бы насмарку... Ей не хватило бы денег на мзду...

Серов искренне удивился и молвил:

– Но я не имел отношенья к её делам и прожекам. Она никогда не обращалась ко мне с меркантильными просьбами. Она не домогалась моей протекции. Моя сестра, к сожалению, всегда была вполне автономна.

Алёна по наитию хмуро и дерзко возразила ему:

– Вашей сестре было достаточно только вашего присутствия на сцене. А точнее: в нашем цирковом балагане... Га-

лина тонко распускала слухи, что она действует по вашей доверенности. И, якобы, в ваших интересах... А в уголовно-финансовых кулуарах ваше грозное и мрачное имя было хорошо известно, и поэтому она почти не нуждалась в вашем непосредственном участии. Но если раньше ей было достаточно только косвенного намёка на ваш интерес в её делах, то далее уже требовалась ей грязная, низкая и даже совершенно непристойная клевета относительно вас... Наверное, в результате именно этих поклёпов, тупфы и изветов и выперли вас в отставку до обидного рано,... Хотя официально вы, конечно, убрались в отставку совершенно добровольно... по причине вашей насущной нужды управлять своим бесподобным наследством...

И они разом пытливо и пристально посмотрели друг на друга. И внезапно у них обоих появилось ощущение, что теперь они способны друг друга полностью постичь. И как только они почувствовали это, им сразу захотелось исповедальной и полной искренности наедине. Но они не пытались понять, почему такие чувства вдруг случились у них...

А ей просто захотелось бросить, наконец, всю эту финансовую «лабуду» или «лажу». Ведь Алёна теперь именно такими жаргонными словечками обзывала в своих мыслях финансовые афёры и махинации, хотя прежде сопричастие её к биржевым, депозитарным и банковским операциям казалась ей несомненным доказательством её элитарности. А честолюбивая Алёна ещё с раннего детства мечтала оказаться

в сонме аристократов...

Она родилась в уважаемой медицинской семье из областного центра. Её мать была известным врачом-онкологом, а отец, будучи популярным психиатром и кандидатом наук, широко прославился тем, что мастерски лечил алкоголизм с помощью гипнотического кодирования. К медицинскому поприщу готовили и Алёну... Но девушка внезапно пожелала стать бухгалтером и экономистом. Она с отличием закончила экономический факультет в московском университете, а заодно и престижные бухгалтерские курсы с подробным и практическим изучением компьютерных учётных программ...

И вдруг Алёне подумалось о том, что ей нужно теперь окончательно признать своё жизненное поражение и поскорее вернуться к родителям, которые имеют удобную четырёхкомнатную квартиру и лесную приозёрную дачу. А в областном центре с крупной промышленностью Алёна вполне могла рассчитывать на доходную должность, поскольку была весьма квалифицированным специалистом. Но ей показалось, что для её гордых и успешных родителей окажется чрезвычайно оскорбительным и обидным её бесславное возвращение домой совершенно нищей, да ещё и с уголовно-тюремным прошлым, и она впервые прикинула свои шансы на супружество с Серовым...

И внезапно отставной генерал показался ей достаточно приемлемым супругом... Но бессознательным наитием Алё-

на ощущала, что он – по своей профессиональной привычке матёрого контрразведчика – не потерпит от жены никаких психологических загадок и жгучих душевных тайн. Он, как мудрый, хотя и бывший шпион, не допустит даже малейшей неопределённости и легко различит самое искусное притворство и любую двусмысленность!.. И, значит, с генералом нужно быть предельно откровенной... И Алёна почувствовала необоримое влечение к исповедальной искренности...

А у Серова стремление к исповеди было порождено внезапным ощущением безмерного одиночества. А затем его одиночество побудило к искусительным раздумьям:

«А почему бы мне сейчас не исповедаться ей, ежели вдруг мне захотелось этого? Чем я рискую? Только тем, что я буду смешон... Ну, и ради Бога... Ведь почти каждого человека подвергают насмешкам за его спиной... А моя родная сестра столь позорно и гадко меня оболгала, что мне стесняться уже, в общем, нечего... А возможность в любое время позволить себе абсолютную, неисчерпаемую искренность – это редчайшая... и даже почти эксклюзивная роскошь... Римские сенаторы из патрициев позволяли себе полную и бесстыдную откровенность даже перед целой оравой плебеев или рабов... А теперь передо мной всего лишь одна неприкаянная женщина, которую вовеки никто не кинется искать, если она пропадёт...»

И он проговорил путано, серьёзно и грустно:

– Странно, но мне почему-то совсем не хочется вам лгать. А моя репутация командира и батального аналитика требует, чтобы я объяснился с вами относительно пересудов об инцесте... о кровосмешительстве... Да и вам, наверное, будет очень любопытно узнать, на чём основаны все эти облыжные сплетни, осрамившие меня перед начальством...

Он умолк и выжидательно посмотрел на её лицо, и она, отрицательно и нервно покачав головой, сказала:

– По пикантным причинам я хорошо знаю, что она оклеветала вас. Но я чревом своей природы чувствую, что ваша сестра выдавала бесстыдные фантазии за действительность!.. Галина, несомненно, вождедела к вам. Иначе, для поддержанья своего шаткого реноме она непременно придумала бы другой, не менее завлекательный сюжет... Она всегда была дьявольски изобретательной... И ей была несносна любая неряшливость...

Он оживился, ободрился и согласно покивал головой, а затем чеканно, хотя и негромко произнёс:

– Да, моя сестра была оголтелой сибариткой и снобом, и она всегда возмущённо куксилась при виде малейшей неопрятности. А я теперь безмерно сожалею, что я раньше не узнал об её извращённом чувстве ко мне. И я готов признаться, что я не оставил бы её влечение безответным.

И Алёна мерцающим взором посмотрела на него и с подстрекательской улыбкой молвила:

– Уж не желаете ли вы сообщить, что вы при случае мог-

ли бы стать её нежным и томным любовником? Тогда немудрено, что вашей лукавой сестре безоговорочно поверили ушлые и тёртые калачи! На интуитивном уровне наши недруги и конкуренты поняли, что такая еретическая связь могла оказаться реальностью. Ведь они были далеко не остолопы...

Он жадно и вожделённо глянул на неё, и вдруг у него появился страх, с каким он бросался в атаку, сопряжённую со смертельным риском. Но Серов привычным усилием воли быстро преодолел хорошо знакомый ужас и твёрдо заявил:

– Конечно, я без колебаний стал бы её любовником. Хотя я понимаю, что я совершил бы неискупимый грех. Я нерушимо и истово верую в Бога, поскольку на войне не бывает атеистов! Но я внутренне готов на лютое и праведное Господне возмездие...

И он горделиво устоял в окне на горные выси, а настороженная Алёна с болезненным любопытством созерцала своего возбуждённого визави. И вдруг Серову пригрезилось, что горный и вечный мир с пиками, утёсами, хребтами и скалами, с обширными ледниками и прозрачным воздухом, с пещерами, ручьями, ущельем, вертепами и дебрями превратился в единую и разумную субстанцию, наделённую по Господней воле магической силой, страстями и чувствами. А затем Серову почудилось, что окрестная материальная субстанция превратилась в духовное, могучее и мудрое существо. И это всеильное существо взирало на Серова с благожелательным, хотя и суровым укором...

И внезапно Серову подумалось о том, что он, перестав сегодня быть человеком, превратился – и уже окончательно – в мистического зверя. Этот мистический зверь больше не был его ипостасью, но стал его единой и нераздельной сущностью. И Серову померещилось, что именно за то, что отказался он быть человеком, и пеняла ему сейчас одушевлённая, могучая и праведная материя. А вскоре его загадочно поманило в девственные и дикие чащи...

А затем ему стала ненавистна его прошлая жизнь, и память о ней уже раздражала, бесила и отвратительно обременяла его. Ведь его минувшее бытие было напичкано постыдными сплетнями о его кровосмесительной связи со своей единоутробной сестрой...

Одновременно ему мнилось, что он мистически сливается с окружающей субстанцией и становится её безраздельным владыкой. А небольшая барская усадьба уже воспринималась им, как важнейший плацдарм для стремительного захвата не только окрестных территорий, но даже всей страны. Однако у него в пучине подсознания всё-таки брезжило ощущение того, что он оказался сейчас на грани умопомешательства...

Наконец Серов, ёрзая на стуле за обеденным столом, начал предаваться мечтаньям, которые казались ему разработкой действенных, детальных и конкретных планов. Для начала он в самый короткий срок допишет свой автобиографический роман, а затем, не скупясь, оплатит и восторги

критиков, и роскошную рекламу для своей мемуарной книги. Сенсационно быстро станет он знаменитым писателем, и его бесспорная гениальность полностью реабилитирует его за то, что он оплошно допустил мерзкие слухи о своей кровосмесительной связи. А затем во всей писательской, боевой и шпионской славе он храбро ринется в политику и станет для зачина популярным кандидатом на губернаторский пост. Разумеется, отважному и расторопному генералу, да ещё и всемирно расхваленному автору литературного шедевра избрание будет обеспечено...

И он лихорадочным залпом выпил до последней капли своё красное хмельное вино, и бдительная Алёна медленно и нервно пригубила почти полный бокал. Она по отрешённой гримасе хозяина усадьбы, – очень похожей на мину сестры его в редкие миги мечтаний, – вдруг поняла, что сейчас его обуревают яркие грёзы, и ощутила зависть к нему. Ведь и Алёне порой очень хотелось вовсю предаться безудержным мечтам, но она резонно и трезво полагала, что в её отчаянном положении крайне опасно оказаться под властью химер или чар. Но внезапно со страхом ей подумалось о том, что она сейчас непременно позволит себе полное безрассудство. Однако изощрённое подсознание помогало ей, вопреки разуму, вести себя чрезвычайно эффективно и хитро. Она трепетно и бодро сказала Серову:

– Конечно, ваша сестра своими сплетнями и клеветой безмерно опозорила вас, и, вероятно, именно она была главной

причиной того, что с государственной службы вас турнули на пенсию преждевременно и поспешно. Вы могли бы прекрасно управлять своими наследными капиталами, заводами и цехами, не расставаясь с казённой службой!.. Однако ещё и теперь в вас наблюдается преизбыток сил, как физических, так и духовных. А глубину и мощь вашего интеллекта я не комментирую... Я уверена, что вам нужно поскорее использовать очередную порцию вашего несметного наследства для продолженья карьеры на более высоком уровне. Ваша своеобразная и загадочная сестра для компенсации своих многих прегрешений оставила вам втайне дополнительный приз, который необходимо без промедленья легализировать. Все нужные атрибуты я помню.

– Но ведь весьма возможно и то, – задумчиво отозвался он, – что сокровища, о которых мы сейчас будем с вами долдонить, – не более чем заманчивый миф. А коли эти легендарные ценности всё-таки существуют в реальности, то почему они – тайные? Наверное, не зря претендуют на них мощные бандитские структуры! Но, допустим, что удастся нам хитро и ловко пресечь их незаконные посягательства и поползновенья. Предположим, что мы вместе окопачим, облапошим разбойников... Но что же именно изменят в моём нынешнем прозябаньи новоявленные активы и суммы?

Алёна задорно встрепенулась и с готовностью ответила:

– Давайте сейчас прикинем! То огромное достоянье, которым вы теперь обладаете станет вашим неприкосновенным,

основным капиталом... своего рода майоратом... А вот те дополнительные ценности, которые вы вскоре получите...

Он поощрительно улыбнулся и, прервав её, уточнил:

– Я получу их из ваших рук...

– Да, конечно, из моих... – бойко согласилась она, а затем увлечённо, хотя и негромко продолжила: – Этой ликвидностью можно распорядиться весьма рационально. Хоть риск, несомненно, есть... Но ведь не собираетесь вы кутить, мотать и транжирить по кабакам и злачным притонам?.. Эту немалую часть своего наследства вы истратите на продолжение своей патриотической карьеры, которая отныне потечёт по другому руслу. Будет у вас много публичности, майданов и выборов! На организацию этих мероприятий вы и начнёте расходовать деньги, которые вскоре вы получите от меня, ибо эти шальные суммы будто свалятся на вас с неба, и будет их менее жалко, чем основной капитал... Ведь и ваша честолюбивая сестра собиралась ринуться в политику! И вы сделаете то, что не удалось совершить ей. Ради благодарной памяти о вашей родственной любви...

И Серов с неожиданным сладострастьем содрогнулся от жутковато-приятного предвкушенья тех слов, которые ему захотелось ей сказать... А затем он ухарски взмахнул десницей и вкрадчиво промолвил:

– Кое-что я доселе не могу предположить... Ну, хотя бы это... Вы приходите сюда неприкаянной и нищей, а затем вы щедро сулите мне пароли, секретные номера счетов, коды,

реквизиты и шифры для получения огромных денег... Но какую же участь вы уготовили самой себе?.. Неужели вы, – после исполнения вашего долга перед моей сестрой, – заранее намеривались уйти из моего поместья столь же убогой и сирой, какой сюда проникли?.. Разве вы, – хотя бы невольно, – не строили планов о получении взамен крупной конфиденциальной награды? Неужели вы до святости бескорыстны?

И она весело откинулась на спинку своего стула...

Алёна сразу поняла, что ей сейчас добровольно, без её просьбы, предложили выбрать себе чрезвычайно щедрое вознаграждение. Значит, её поведение оказалось безупречно тактичным, и он до конца поверил ей. И она мысленно похвалила себя за то, что не соблазнилась она вполне реальной, хотя и опасной возможностью заграбастать себе в собственность и тайные активы, и деньги на секретных депозитах умершей сестры отставного генерала Серова мошенническим способом через купленных юристов и подставных хапуг...

И Алёна, морща по-детски лоб, начала прикидывать, что же именно ей сейчас потребовать от Серова. И вдруг ей померещилось, что её вдохновенное наитие мысленно сказало ей:

«Нежели ты ещё полагаешься на свой ограниченный и жалкий разум, который уже не раз ввергал тебя в шальные аферы, интриги и авантюры?.. Твой рассудок часто обманывал тебя, и опасные последствия этого вранья всё ещё довле-

ют над тобой... Прекрати напрасно уповать на свой докучный и самоуверенный ум...»

И эти воображаемые увещеванья её наития показались ей абсолютной реальностью, и Алёна согласно кивнула головой. И Серов, заметив её быстрый кивок, улыбнулся ей поощрительно и страстно. А затем она, повинувшись своему загадочному наитию, произнесла с гармоничной модуляцией в голосе:

– Я отлично понимаю огромную степень риска, на который я сейчас решилась. Я намерена высказать чудовищную дерзость. Но, знаете ли, сударь, – и она смущённо усмехнулась, – что я в эти миги совершенно не властна над собой. Ведь меня внезапно заполонило таинственное чувство, которое меня влачит и принуждает к отчаянным действиям, лишённым и привычной разумности, и логики. Я заранее прошу меня извинить за кощунственные фразы...

И вдруг Серов явно растрогался, поскольку он сам неоднократно ощущал на войне нечто подобное, и эти чувства всегда оказывались спасительными для него. Ведь он, машинально повинувшись им, выживал без фатальных увечий и ран даже в тех жутких передрягах, в которых у него совсем не было шансов уцелеть... А ещё он был теперь крайне заинтригован... И вдобавок ему почудилось, что он сейчас находится рядом со своей умершей сестрой, и он, страстно потупившись, молвил:

– Я готов вас понять, Алёна, а, значит, я способен простить вам любую ересь. Я солидарен с вами в полном отри-

цании рутины!.. А теперь мне кажется, что вы – мистическая женщина, хотя на вас и нет флёра экстравагантности... Воркуйте, моя милая!

И она тревожно, но умильно сказала ему:

– Мне сейчас кажется, что вы могли бы взять меня в законные жёны... Конечно, это моё ощущение лишено логических оснований. И, разумеется, это моё желание не станет обязательным условием для передачи вам денег и ликвидностей вашей сестры: вы получите их в любом случае. Можно хоть завтра начать процедуру по приёму и передаче добра... А я прекрасно осознаю всё! И я без всяких иллюзий понимаю огромную социальную разницу, – вернее, необъятную бездну, – между сирой просительницей и вами... Я не забыла мою замызганную, утлую нишу... Но зато я во всех пикантных подробностях знаю, какова была в сексуальных забавах ваша неподражаемая сестра!..

– А я отлично знаю другое... – и задорно, и хмуро ответил он, – ведь я расчудесно понимаю, что моя женитьба на вашей особе – это непременно условие! Не обманывайте ни себя, ни меня! Ежели я сейчас откажусь от женитьбы, то обязательно отыщется множество причин для проволочек, задержек и весьма досадных казусов... Но ваши страстные уверенья в том, что вы, дескать, исключительно хорошо осведомлены о любовном темпераменте моей сестры, живо меня тронули... – Он слегка помялся, а затем внятно и задумчиво продолжил: – Ваши прозрачные намёки на извращённые

и противоестественные шашни моей сестры ясно мне доказали вашу редкую проницательность. Да, верно и правильно: ещё с ранней юности я питал к моей сестре чрезвычайно нежные, но далеко не братские чувства. И я вовсе не исключаю, что у меня в душистой постели с вами вдруг могут возникнуть блаженные иллюзии. Ведь сегодня мне уже несколько раз сладко померещилось, что рядом со мной были не вы, а моя родная сестра.

И Алёна искусительно и трепетно улыбнулась ему, и после короткого, но сладкого для обоих молчания он заявил:

– Я сейчас витийствовал перед вами только для того, чтобы вы догадались о полной неудаче вашей попытки обмануть, обмишурить меня. А теперь вы окончательно убедились в этом... Но я вовсе не отрицаю, что ваше свадебное предложение может оказаться поводом для наших приятных и плодотворных дискуссий. А заодно и причиной для профессиональных дебатов юристов...

«Нет, хитрая бестия, – подумалось ей, – скоро ты женишься на мне. И ты обвенчаешься со мной без участия скотин-юристов... этих гадких пройдох и корыстных лицемеров... И, разумеется, без нашего брачного контракта, который в случае развода оставит меня нищей... Но пусть он теперь поярче вообразит, что он искусно одержал надо мной решающую победу. Я оказалась бы форменной дурой, если бы я не оставила его в столь приятном для него заблуждении... Вытаскивай, взвивай меня, небесное наитие, из гряз-

ной и зловонной колеи, из мутной лужи, ибо теперь – самое время...»

Но её свежее и упругое тело прекрасно скрывало её задние мысли, а плоть её казалась Серову лучистой, покорной, расслабленной и нежной...

А вскоре вдохновенная Алёна смиренно и грустно сказала ему:

– Наверное, вы сейчас имеете полное право воспринимать меня, как закоренелую дрянь... Тем паче, что меня угораздило вляпаться в уголовную тюрьму... Но даже в лагерной зоне из нормальной женщины очень трудно вытравить естественные чувства... Да, я теперь очень хочу замуж!.. Да, вы настолько мне понравились, что я и без официального штампа в моём паспорте охотно уступлю вам буквально во всём... Я стану говорящим орнаментом вашего бытия!.. И я не буду ломаться и кукситься, как принцесса!.. Но я прошу вас кое-что учесть... Я отнюдь не бесприданница... По несудимой воле вашей покойной сестры весьма большой кусок от её наследства вы можете получить только через меня. Значит, она загодя планировала наше свиданье! Но ведь она, хотя и оворясвоеобразно, но безмерно и до страстного обожанья любила вас!.. И она ни в коем случае не хотела для вас зла... Следовательно, ваша проницательная сестра не считала меня напастью и бременем для вас... А, верней всего, она воспринимала меня, как важнейшую составную часть своего завидного наследства возлюбленному брату. Поверьте: она от-

менно разбиралась в людях.

И Алёна, кротко улыбаясь, умолкла, и вдруг попытался он понять свои яркие чувства к ней. Ведь его чувства к ней казались ему сейчас настолько яркими, что Серов неслышно, но восхищённо прошептал: «Волшебный калейдоскоп блистательных и полярных впечатлений...»

Но его чувства к ней были теперь в невероятном смешении. Её пронизательность изумляла и одновременно страшила его. Явно он умилялся её благородством, щепетильностью и честностью, – ведь Алёна всё-таки не цапнула для себя часть наследства его сестры, – но мысленно он сетовал на дерзость неприкаянной гостьи. В нём жгуче перемешались настороженность и жалость к ней...

И в придачу его нервы бередило вожделенье, и он не понимал, что именно сейчас его одурманило: страстное влечение к мёртвой сестре или плотская тяга к Алёне?.. И вдруг в мыслях у него сложились фраза, которая необычайно ему понравилась:

«Я вожделею к святой и благодарной памяти о своей мёртвой сестре».

Но Серов уже чувствовал, что в нём появилось отчаянное вожделенье ещё и к Алёне, и внезапно он вспомнил дерзкое её предложение жениться на ней. И вскоре ему померещилось, что его нутро заурчало от удовольствия...

А она терпеливо ожидала его ответа под личиной трепетной нежности. Но внутренне Алёна была теперь совершен-

но спокойна, поскольку она окончательно уверилась в том, что он уже полностью созрел до своего согласия жениться на ней. И вдруг она догадалась, что он сейчас предложит ей совместную ночь. И чем упорней Алёна размышляла о предстоящих утехах, тем больше она ощущала самое себя извращённой сестрой своего будущего любовника. И это ощущение показалось Алёне чрезвычайно комфортным. И, наконец, забрезжило в ней, а затем стало в ней стремительно расти её страстное желание совершенно преобразиться в любимую сестру владельца шикарной усадьбы...

А, в сущности, почему бы и нет?.. Конечно, теперь она — нищая! Но разве ей нельзя вообразить, что она пожертвовала своё достояние на оплату политической карьеры своего единокровного брата?.. А ведь можно допустить и более пикантную версию... Например, то, что она по жёсткому требованию родного брата самоотверженно передала ему всё своё богатство в оплату за их кровосмесительную ночь?.. Дескать, её библейская любовь сильна столь непомерно!..

И внезапно Алёне показалось, что он сейчас интуитивно постигает её необычайные ощущения и грёзы, и этим проникновением он, хотя и невольно, но стремительно увеличивает свою болезненную страсть к ней. А затем Алёне помешалось, что её плоть сейчас излучает незримые и пульсирующие токи, которые целительно и нежно вонзаются в него. И вскоре почудилось ему, что её дурманящий и пристальный взор заботливо и страстно обволакивает его, и чуть румяный

Серов опять почувствовал в себе военный задор и без экивоков промолвил ей:

– Мне совершенно ясно, что вы очень тесно общались с моей сестрой. Вы у неё переняли повадки, норы и образ мыслей. Я теперь полностью уверился в том, что она избрала вас в фаворитки из-за вашего бесспорного сходства с нею. Но ведь вас конфиденциально осведомили о моём не вполне естественном влечении к ней. А теперь у меня вновь появилась иллюзия того, что рядом со мной не вы, но моя родная сестра... Мне интересно: какой бы оказалась её реакция, если бы я предложил кровосмесительную ночь? Но я опасюсь, что правдивый ответ на столь каверзный вопрос весьма затруднит вас...

И Алёна радостно улыбнулась ему...

– Искреннее моё признание, – с трогательной простотой проговорила она, – нисколько меня не обременит. Я принимаю ваше предложение и делаю это с весёлой радостью!.. Ваша сестра была сложной, многогранной и одарённой личностью, но весомая частица утончённой её природы передалась и мне. Поверьте, что я не хвастаю!.. Именно ваша сестра украшала чертоги, в которых я теперь обитаю. Она уповала, что вы посетите их... Она мечтала о таком визите!.. Но если вы пожелаете, то я сама прыгну к вам...

И с ласковой грубоватостью он отозвался:

– Негоже первоклассной женщине самой шастать. Пусть это будет уделом чаровниц, кто сортом пониже... А я пожа-

лую к вам за час до полуночи...

– Всё будет превосходно, – произнесла она с нарочитой покорностью в голосе. – Право, я чрезвычайно рада, что мы обошлись без околичностей... И я весьма благодарна вам за то, что у меня теперь нет смысла притворствоваться. Ведь вы способны раскусить даже самое умелое актёрство... И сколь же мне приятно стать, будто в детстве, самой собою! Воистину, полная искренность – это неизъяснимая роскошь! Наверное, вам трудно это понять...

И он мягко прервал её:

– Но я прекрасно всё это понимаю! Ведь я и сам умею профессионально менять личины. – И вдруг Серов не удержался от банального бахвальства: – А в придачу я научился постигать чужие мысли! Вы не думайте, что качество это всегда приятно. Воистину, каждое занятие может превратиться в докучливую рутину...

И Алёна быстро и опасливо посмотрела на него, но он, упоённый самим собою, не заметил настороженного взора...

А затем они после короткой заминки одновременно встали со стульев и, церемонно покинув столовую, разошлись восвояси. И оба на ходу упорно размышляли: допустимо ли считать радостью обуявшие их чувства?... И, наконец, оба, возвращаясь по коридору к себе, решили, что нынешние чувства можно воспринимать, как радость...

В чёрном официальном костюме Тимофей Захарович Шилов, насупившись, прикорнул на краешке дубового стула возле настёж открытого окна в сумрачной и свежей комнате административных помещений усадебного дома. В вечернем особняке царили тишина и стерильный порядок, а парадная столовая после обеденной трапезы была идеально прибрана усердными и рьяными слугами. Широкая канцелярская комната была отделана весьма аскетично: там находились только массивные стулья, грандиозный чугунный сейф, увесистый письменный стол, два розоватых полированных комода с постельным бельём и прочный старый диван, принадлежавший по непроверенным слухам народному комиссару из сталинской эпохи. Порой Тимофею Захаровичу казалось, что от этого исторического дивана исходит аура необъятной власти и великого тайного страха...

Тимофей в прозрачных сумерках смотрел в окно на бурное клочкотанье студёной речки, а осенние горы источали в комнату струи льдистого и хвойного воздуха. Тимофей зябко и нервозно передёрнул плечам и с большим раздраженьем подумал о том, что он доселе не получил никаких распоряжений относительно ужина на этот вечер. Хотя вместительные холодильники в покоях владельца усадьбы и его вероятных гостей были постоянно и плотно забиты эксклюзивны-

ми напитками и свежими деликатесными яствами в очень просторном ассортименте. Усердный дворецкий сам утверждал номенклатуру завозимых в барское поместье продуктов. Но всё-таки на случай кулинарных экспромтов хозяина или обольстительной гостьи дежурили в своих каморках двое поваров и трое лакеев. Да и сам дворецкий решил, что в эту судьбоносную ночь никуда не отлучится он из барского терема...

Внезапно Тимофей с ненавистью посмотрел на блестящий никелированный звонок, по которому хозяин вызывал дворецкого к себе. И тусклое сиянье электрического звонка показалось Тимофею символом лакейского рабства. Сытому и балованному слуге всё более претила его зависимость...

Вскоре Тимофею подумалось о его перспективах, и сразу его будущее вообразилось ему весьма тёмным. Ведь теперь у его господина явно наметилась важная перемена в судьбе, ибо сегодня накрепко он спутался с умной, стервозной и заносчивой кралей. А много ли хорошего такая связь может сулить дворецкому?.. ведь его запросто могут прогнать из фешенебельной усадьбы по мимолётной прихоти хозяйской зазнобы... Но при любых раскладах положение его будет весьма поколеблено... Значит, ему предстоит рискованная и потаённая борьба за своё служебное положение, которое приятно сопряжено с многочисленными льготами и барышами...

Но вдруг Тимофею грядущие мелкие интрижки показа-

лись чрезмерно унижительными для него, и вскоре он оторопел при шалой мысли, что ему теперь отчаянно хочется достичь благородной цели... Но ведь ничего на свете благородней истинной любви нет!.. И Тимофей опасливо ощутил в себе непоколебимую решимость полюбить Алёну и стать соперником своего строгого господина в борьбе за на в борьбе за жензину. ь Алёну и городную цель. прелестную даму...

И Тимофею ярко вообразились трагические и прекрасные сцены о его любви, рыцарской верности, отваге и шляхетской гордости...

Тимофей даже не предполагал, что он способен воображать столь по-детски наивную и романтическую дребедень. Но чем красивей и благороднее он воображал своё поведение с Алёной, тем больше она казалась ему достойной несравненной любви. И ушлый дворецкий влюблялся всё необратимей и сильнее...

И вдруг с поразительной ясностью он понял то, что его хозяин и Алёна уже твёрдо сговорились провести эту мерцающую и лунную ночь вместе. И дворецкий угрюмо приготовился к невероятной вспышке собственной ревности. Однако вскоре он изумился тому, что ревности он не ощутил. Но появилось у него мрачное спокойствие, которое он мысленно назвал хищным. И, действительно, зачем буйнить, метаться и бунтовать, если пока ещё нельзя изменить череду событий?..

Тимофей больше не сомневался в том, что он несказан-

но любит Алёну. Но хотя его страсть быстро и непрерывно возрастала, он решил и впредь прикидываться верным и незатейливым простачком и терпеливо поджидать удобного случая. А пока он, дескать, превратится в ангела-хранителя Алёны и начнёт ретиво, хотя и тайно её оберегать. Разве не обязан он спасти её от мерзкого и жестокого генерала, которому случайно привалило громадное наследство?..

А ещё Тимофея пугающе и сладко изумляла странная уверенность в том, что у него есть немалые шансы добиться у Алёны пылкой взаимности. И эта уверенность, будоража его нервы и плоть, не покидала дворецкого, хотя он ясно понимал, что славный отставной генерал превосходит его буквально во всём: и внешностью, и легендарной репутацией, и социальным статусом, и богатством, и связями. А теперь хозяин завидной усадьбы решил сделаться и ещё и писателем, и очень вероятно, что он преуспеет ещё и в литературе.

Но вопреки этому своему пониманию дворецкий чувствовал в себе уверенность в том, что Алёна всё-таки может ему достаться. Поначалу такая уверенность казалась ему абсурдной, но вскоре ему необычайно ярко вспомнилось раболепие слуг в усадебном доме. А ведь рабской покорности сумел от челяди добиться именно он, дворецкий, а вовсе не хозяин поместья!.. Конечно, и генерал обучен грозно командовать и сноровисто распоряжаться... Но ведь полководца столь высокого ранга всемерно поддерживает властная иерархия всего государства!.. А он, безвестный Тимофей Шилов, сумел

добиться безропотного и рьяного повиновенья одной своей личной харизмой и той мистической аурой власти, которую постоянно и незримо излучает его загадочная персона...

Наверное, именно врождённой способностью к власти и прельститься в нём проницательная Алёна...

Дворецкий величаво встал возле окна и, глядя на сумрачные горы, скрестил руки на своей впалой и щедедушной груди. И внезапно у него появилась твёрдая уверенность, что все эти сегодняшние события ниспосланы ему Провиденьем, дабы он, наконец, постигнул всю безмерность своих интеллектуальных и нравственных сил...

И Тимофей горделиво и дерзко помыслил:

«Я обречён Всевышним не только на то, чтобы прозябать в помпезном и пошловатом тереме. Я теперь полностью готов к отчаянной борьбе...»

И ему почудилось, что лунные и млечные лучи поощрительно и страстно обволакивают его тело... Горный и студёный ветер порывисто шевелил светлыми, лёгкими и узорными занавесками на окнах и мнился Тимофею божественным благословеньем... И лишь на краткий миг дворецкому подумалось о коварных кознях Сатаны...

12

В эту росистую и звёздную ночь они поверили в возможность своего счастья... У Серова, как он и предвкушал, возникла полная иллюзия того, что Алёна превратилась в его родную сестру. И мнилось Алёне, что диковато ею обладает её единокровный брат. Плоть её была нежна, упруга и покорна, и чудилось ему, что любовница наитием предугадывает его прихоти и желанья. Однако именно Алёна порождала в нём хотенья, которые он считал своими...

Иллюзия неискупимого, смертного греха донельзя возбуждала их. Но в глубинах их подсознания, в их нутре таилось пониманье того, что скверный и позорный грех кровосмешенья они всё-таки не совершают. И от этого пониманья беспрерывно возрастала их взаимная нежность...

Затем они, измождённые, нагие и безмолвные, лежали на смятых простынях рядом. И мелькали в сознании любовников нежно-причудливые фразы и словосочетанья. Но обоим было сладостно удерживать благодарные излинья внутри себя...

Наконец, радостные слова всё-таки вырвались из плоти, но разум уже не воспринимал их. Блаженно воспринимала их только плоть...

Им необычайно понравился запах друг друга, ведь они, купаясь в ванне, тщательно выбирали ароматный шампунь,

мыло и гель. И они выбрали именно то, что заказала и купила сестра хозяина усадьбы...

И внезапно он тихо, но внятно рассказал ей то, чего не ожидал он даже сам, а уж она и подавно:

– После смерти сына и жены у меня в столичной квартире появился чёрный котёнок. Он сам, выждав удобный случай, ворвался ко мне. Зима выпала лютая, и гибель зверька на морозных улицах оказалась бы неминуемой, если бы его не приютили. Он уже был сильно простужен и трогательно кашлял... Он с мольбой и страхом глядел на меня, и его отчаянные глаза спасали кошачью жизнь. Я назвал его Тишкой... Он вскоре заболел, и модные ветеринары не спасли его... Котёнок был заражён глистами... И теперь, когда я думаю о смерти, я большего всего уповаю на то, что я в загробной жизни встречу именно Тишку... Не сына, не жену, а именно моего чёрного котика...

И она, содрогаясь, подумала:

«Боже, чего я хочу от него?.. Я с ним бессовестно хитрю, лукавлю и корыстно притворяюсь. Но ведь я сама, как приبلудная и брошенная кошка, а он беспредельно одинок среди толпы. Чёрный и озябший зверёк – это единственное в мире существо, которое любило его по-настоящему. И за эту крохотку подлинной любви он хранит о зверьке вечную и благодарную память... Но разве я способна любить столь же искренне, как тот незадачливый котёнок?.. А ведь хотят от меня просто обычной жалости...»

И Алёна, тиская его тонкие пальцы, произнесла тихо и горестно:

– А я никого не хотела бы встретить в загробной жизни. Я мечтаю только о покое. И порой я невольно молюсь, чтобы у меня после смерти был маленький и запущенный сад, а при нём круглое и голубое озерцо с бледными лепестками яблонь на ряби из тоненьких струй. В чистой, уютной и просторной хатке я бы самастряпала себе скромную пищу... И побольше хороших иллюстрированных книг... И множество записей дивной музыки Баха, Скрябина, Шопена и Чайковского...

И в лунном сумраке он улыбнулся и ответил:

– Я довольно часто рисковал жизнью. И я никогда особенно не боялся смерти... Но порой, очутившись в преддверии гибели, я – ради сохранения мужества – ярко на краткие миги воображал сладостные сцены потустороннего бытия... Но всю эту воображаемую приятность я получил при жизни!.. У меня появилась даже ты!.. И мне теперь не хватает только чёрного котёнка Тишки!.. Наверное, добрый Господь подарил мне утехи земными благами в преддверии справедливых и жестоких мук, ожидающих меня после кончины...

Он помолчал, а затем, погладив её нагое бедро, продолжил негромко и твёрдо:

– Ты, наверное, полагаешь, что я сейчас непозволительно раскис до глупой сентиментальности. Но неужели я за всю мою окаянную жизнь не заслужил даже пары мгновений полной откровенности?.. Хотя возможно, что я недостоин да-

же церковной исповеди... Но я всё-таки хочу получить то, на что, вероятно, не имею права!.. А если моя искренность погубит меня, то и пусть!..

И Алёна торопливо и заботливо отозвалась:

– Я хорошо понимаю тебя! Ведь искренность подобна женской наготе в обществе заостенелых пуритан и снобов. Или похожа на честную игру с карточным шулером... Но, знаешь: ради тебя не страшно даже сгинуть навеки!..

– Неужели ты не хочешь продолжить свою деловую карьеру? – с явной благодарностью осведомился он. – И ты разве не ведаешь о своих редких способностях?

И Алёна ответила запальчиво и резко:

– Я больше не хочу размышлять о моих дарованиях! Ведь они быстро втопили меня в таёжные сибирские бараки... – Затем она мечтательно и трепетно проговорила: – Я теперь хочу хотя бы пару недель поиграть в жутковатую, но безмерно сладостную для меня игру! Ведь всё равно мы непрерывно играем в жизни самые разнообразные роли, хотя слишком редко замечаем своё лицедейство. Я, например, вдохновенно играла модную роль проницательного и дошлого эксперта по инвестициям крупных капиталов на спекулятивных рынках и в оффшорные компании!.. Но теперь я мечтаю поиграть в потусторонний мир!.. Ведь наши иллюзии часто бывают извращённо приятны!.. Разве тебя не усладила иллюзия того, что ты бурно ласкаешь не меня, а собственную сестру?

И Алёна, изгибаясь на постели, расхохоталась хотя и тихо,

но весело и звонко, а Серов невольно хихикнул заодно с нею, но затем серьёзно сказал:

– Однако прозябать отшельником, – даже если такой типаж обитает в сибаритской роскоши, – весьма не просто, поскольку полное отсутствие людей, которые не могут без тебя обойтись, удручает и томит чрезвычайно!.. А слуги в этой усадьбе вполне могут обойтись и без меня. Ведь моя очаровательная сестра бывала здесь только стремительными наездами, и челядь ещё не привыкла к постоянному хозяйскому надзору. Я для стремянных – всего лишь докучливая обуза...

И она негромко утешила его:

– Отныне всё изменится... Ведь ты уже оказался наиболее нужным для меня существом на всей земле... И я очень хочу быть для тебя музой... Я предвкушаю безмерное удовольствие от прочтения твоих рукописных страниц. И я молю тебя о знакомстве с романом, который ты теперь сочиняешь...

– Ты привлекательна и умна, – тихо произнёс он, – и, разумеется, я позволю тебе прочитать всё то, что я накропал здесь... Ведь я отнюдь не лодырь. Я писал упорно, прилежно и тщательно, но всё-таки мне нужна посторонняя оценка... А ещё для моего романа оказался бы очень полезен оригинальный выверт в сюжете. Эзотерика вполне подойдёт!.. И поэтому мне очень импонирует экзотическая игра в потусторонний мир. Прихотливая канва получается...

И разом они ощутили приятное изнуренье, и почудилось

им, что они радостно умирают. Они закутались в большое мягкое одеяло и уснули...

Конец первой части

Часть вторая

1

Хозяину горной усадьбы и его внезапной любовнице уже поверилось в их совместное счастье, и свою нынешнюю жизнь они порой называли идиллией и пасторалью. Иногда хозяин шутливо болтал о том, что у него вместо жёсткого психологического романа может получиться наивная и нежная элегия...

Прежде они не смели даже вообразить, что их жизнь может оказаться настолько насыщенной и одухотворённой. Они упивались комфортом и покоем. Их распорядок был осмысленным и нерушимым. Их ночи озарялись до извращённости бурной страстью, а сила взаимной любви заставляла полностью игнорировать безмерно почтительную, но весьма любопытную челядь. И всё же они со всеми усадебными слугами были привычно вежливы...

Они покидали свою измятую и мягкую постель очень рано, а потом двадцать минут они делали гимнастику в тренажёрном зале, который находился в подвале барского дома. После окончания утренней зарядки они вместе принимали контрастный душ. Затем они по-домашнему, но тщательно, хотя и с нарочитой небрежностью одевались, не допуская даже намёка на свою неопрятность. Алёна перед завтраком всегда наносила на своё прелестное лицо тонкий слой макияжа и грима... Этими процедурами они проявляли взаимное

уваженье. Церемонность и почти семейные обряды ничуть не обременяли радостную чету. Питались они диетическими и свежими деликатесами, смакуя за обедом редкие сорта марочных вин.

После завтрака он ретиво сочинял свой роман, который вдруг начал продвигаться удивительно быстро. Вечерами в гостиной он вслух читал Алёне продолженье своего романа, и они доверительно обсуждали различные фрагменты. Наконец, Серову показалось, что Алёна очень вдохновляет его, и однажды утром он в рабочем кабинете подумал:

«Я не буду фарисействовать, и я готов честно признать-ся самому себе, что я воспринимаю Алёну своей сестрой... Но кого же я теперь люблю: мёртвую сестру или живую Алёну?.. Прежде меня часто обожали и даже донимали смазливые умницы, но они совсем не вдохновляли меня. Неужели я доселе никогда в жизни не любил по-настоящему?.. И почему после появления у меня истинной любви мой роман стал писаться неожиданно легко?..»

Вечером они в чёрных и плотных костюмах вышли через чугунную калитку из миниатюрного ландшафтного парка, который окружал их дом, и по тропинке из брусчатки углубились в горный сосновый лес. На овальной и сумрачной полянке Серов промолвил:

– Меня поражает лёгкость, с которой мне теперь пишется. Не кажется ли тебе, что я начал халтурить?

И она задумчиво сказала:

– Твоя проза, действительно, очень изменилась. Ты, наверное, перестал думать о своих будущих читателях, и этим ты сбросил с себя гнетущую обузу. А прежде, несомненно, тебя мучили и томили мысли о том, какое впечатление на читателей произведёт твоё творчество. Нынче ты прекратил притворяться и стал искренним. А ведь притворство в литературе требует немалых усилий, а, значит, и времени. И ты стал писать гораздо быстрее. Ты начал писать проще, и твои сложноподчинённые предложения теперь не превышают должной меры, и поэтому слог у тебя стал нервным и лёгким.

– Спасибо тебе за лекцию, – довольно отозвался он, – ведь ты всё это отчебучила, как заправский критик...

А в тихом лесу быстро темнело, и лишь изредка доносились до них шелесты, скрипы и шорохи. Воздух несильно пах гнилью, корой и свежей хвоей...

Серов озадачено молвил:

– Но ведь меня чрезвычайно волнуют твои впечатления от моих строк. Значит, я всё-таки не сумел полностью отрешиться от мыслей о моих будущих читателях. Абстрагироваться от людей всегда нелегко...

– Но ведь я не вполне обычный читатель, – негромко произнесла она, – поскольку я полюбила тебя. И мне, конечно приятно, что ты обо мне помнишь каждую минуту. Но разве я даю тебе советы, наставляю тебя, высказываю претензии к тексту? Нет, я просто с умилением тебя созерцаю...

Но я всё-таки сохранила объективность. И я сумела заметить, что твоё нынешнее творчество разительно отличается от текстов, которые ты написал раньше. Настолько разительно, что я не могу поверить, что причиной этой исполинской перемены оказалась твоя любовь ко мне. Разумеется, мне очень польстила бы такая причина, но я больше не хочу лгать самой себе. Внутри тебя случились колоссальные перемены...

Он посмотрел на звёзды, а затем начал по-звериному чуть-чуть озираться вокруг себя. И почудилось ему, что гнездится в его нутре потаённая и зловещая истина, которую он упорно не желает знать... Намедни Серов уже и сам заметил необычайные перемены в своём творчестве, но доселе не мог понять: улучшают ли они произведение или нет?.. Но вдруг Алёна ясно ответила на этот волнующий вопрос: да, улучшают и очень значительно... Но почему же именно?.. И Серов ощутил, что он сейчас узнает о самом себе мистическую и запретную правду, которую обычному человеку очень опасно постичь...

И вдруг ему подумалось о том, что каждый человек рождается со своим мистическим предназначением, которое чрезвычайно часто неведомо рассудку. Но если всё-таки постигнуть своё врождённое предназначение, а затем храбро и упорно следовать ему, то можно при удаче обрести признание и счастье. А иначе вовеки не получишь ничего, кроме грехов, пороков и душевных мук...

А вскоре он вдохновенно помыслил о том, что поро- да и сущность каждой человеческой личности определяет- ся уникальной дозировкой четырёх качеств, а именно: ин- теллекта, терпения, агрессивности и способности к любви. И любое из этих совокупных качеств обязательно имеется во всяком человеке, хотя, возможно, и в минимальной до- зе...

И вдруг Алёне в погустевшем сумраке стало настолько сладостно, что ей невольно вообразилось, что её гордели- вое семейство, и – главное!.. – бывшие подруги, любовни- ки и коллеги, наблюдая за её несравненным счастьем, яро завидуют ей. И суетно захотелось Алёне выставить напоказ своё нечаянное счастье. Пусть привередливая, взыскатель- ная публика из элитарной тусовки по достоинству оценит и добродетель, и красоту, и рассудок, и ловкость, и редкое умение манипулировать людьми у недавней сибирской уз- ницы! И тогда ореол неповинной страдальицы, перестав, на- конец, быть смешным, обретёт элегантную романтичность!.. И Алёну внезапно взбудоражили невольные грёзы о реван- ше...

Но затем она нервозно устыдилась и ярко воображаемых сцен своего торжества, и связанных с ними мечтаний и мыс- лей. Однако, вскоре она почти успокоила самоё себя мысля- ми о том, что её возлюбленный сам окажется не прочь по- красоваться с нею на публике. И, вероятно, он пожелает на- чать политическую карьеру. И вдруг Алёна пылко себя во-

образила верной его помощницей...

Но сначала он попытается завершить свой роман, хотя и потратит на это весьма много времени... И Алёна нетерпеливо топнула ногой... Значит, придётся ей не только безропотно ждать эпилога длинного романа, но и всемерно поощрять писателя. Разумеется, не настолько она глупа и наивна, чтобы подстрекать отставного генерала поскорее бросить свою писанину! Ведь его будущая книга, – и Алёна уже ясно понимала это, – может получиться воистину превосходной. А разве на худой конец нельзя ей удовольствоваться колоритной ролью мудрой и прелестной супруги известного литератора?..

Но вскоре Алёна, не совершая реально ничего зазорного или гадкого, ощутила себя закоренелой преступницей. И вспомнилось ей почти забытое словосочетанье: «Преступление в мыслях». Она нахмурилась и виновато себе прошептала: «Мыслепреступление...»

Алёну ещё в раннем детстве строгие родители уверили в том, что ничего не возникает случайно. И если вдруг у неё появились крамольные мысли, то, значит, она желает именно крамолы... Хотя, в сущности, ничего особенно дурного в её нынешних раздумьях нет... Ну, возможно, присутствует обычное женское тщеславие... А разве она прежде не сулила отставному генералу блистательное продолжение карьеры?.. И ведь он не запретил разговоры на эту тему!.. Неужели непременно нужно считать мотивом всех её поступков

болезненное желанье вызвать мучительную зависть у своих соперников и врагов?..

Внезапно Серов подошёл к Алёне, и они поцеловались. Затем они, молча, вернулись домой в лунном, серебристом сумраке. И опять их ночь была замечательно страстной, хотя подспудно у них обоих постепенно возрастало муторное чувство непонятной им вины. Но они втайне от самих себя надеялись на то, что утром они совершенно забудут свои вечерние мысли и чувства...

2

После появления Алёны в барской усадьбе Тимофей Захарович Шилов был хотя и мучительно, но одновременно и сладострастно взбудоражен, и теперь в таком состоянии он жил постоянно. Разумеется, он прилежно скрывал свои истинные чувства от господ...

В его ревности была несказанная приятность. И, как только барственный хозяин усадьбы и Алёна отправлялись вместе в опочивальню, то их дворецкий, лёжа в чистой постели среди полной мглы своей просторной, тёплой и удобной комнаты, начинал с извращённым удовольствием ярко воображать их эротические ласки, содроганья и позы...

Жилая комната дворецкого отличалась броским и нескромным комфортом и располагала отопительной батареей, туалетом и ванной. Старинная, но тщательно отреставрированная мебель у дворецкого, была хотя и прочной, резной и узорной, но – соответственно его рангу – поплоче, нежели в господских апартаментах... Шилов втайне гордился своими мягкими стульями, конторским столом из палисандра и помпезной кроватью с купольным балдахином...

А ещё Тимофей Шилов потаённо гордился своими душевными страданиями, которые казались ему неоспоримым доказательством глубины и сложности его натуры. И невольно мечталось Тимофею занять место нынешнего хозяина усадь-

бы...

Но дворецкий дорваться до хозяйского барахла и богатства мог только через Алёну. Вот если она законно, – с государственной регистрацией, – выскочит замуж за владельца усадьбы, то, после его преждевременной кончины, жена вполне легально обретёт всё его достоянье. А затем ко вдове подоспеет и Тимофей с утешеньями и компрометирующей информацией... Естественно, не обойдётся без женских охов, стонов, проклятий и воплей. Но Тимофею по непонятной ему причине твёрдо верилось в то, что бездушная вдова обязательно влюбится в изошрённого и хитрого шантажиста, а затем охотно станет его официальной супругой...

Шилов справедливо считал самого себя далеко не глупым человеком, но теперь он порой страшился того, что он просто бредит... Ну, зачем Алёне, если она превратится в богатую аристократку, выходить замуж за скромного и уже постылого ей слугу?.. Чем он сумеет прельстить её?.. Но однажды пасмурным утром Шилову подумалось о том, что он вполне способен соблазнить её торжественным обетом о раскрытии ей со временем древних колдовских приёмов по обретению безграничной власти над людьми...

Ведь Шилов бессознательно постигнул нравственное сходство между ним и Алёной и наитием ощущал в ней скрытые от неё самой изъяны и пороки...

И Шилов начал воображать самого себя ядовитым, безжалостным и проицательным змеем, который способен долго,

неприметно и терпеливо ждать, чтобы в нужное время без колебаний ужалить свою жертву в уязвимое место...

А в барской усадьбе теперь царило тревожное и нервное затишье, и дворецкому казалось, что вся безропотная челядь, – вопреки явному хозяйскому счастью, – дожидается роковой и жестокой развязки...

Нынешним ясным, прозрачным, но студёным утром дворецкий приказал дежурному кочегару зажечь в пристройке отопительный газовый котёл. А в столовой лакеи тщательно сервировали хозяйский завтрак, и господа вышли к трапезе без опоздания. Серов был облачён в белый домашний костюм, а задумчивая Алёна с гладкой причёской надела сиреневое платье. Тимофей в чёрном официальном наряде с белой кружевной манишкой решил прислуживать барам сам...

Господа церемонно уселись за стол, покрытый серебристой парчовой скатертью, и начали с аппетитом, но весьма изящно поглощать свежую деликатесную пищу. Они, молча, скушали – с тёплым хлебом – рисовый суп на курином бульоне, телячьи котлеты в густом соусе, салат из парниковых овощей с оливковым маслом и пошехонский сыр. На десерт дворецкий подал на серебряном блюде гроздья мелко-го винограда без косточек. Байховый чай с лимоном и кизиловым вареньем сотрапезники разливали в тонкие фарфоровые чашки из медного старинного самовара, надраенного парой кухонных мужиков до ослепительного блеска.

Тимофей в белых перчатках угождал господам с юрко-

стью, ловкостью и прытью заправского трактирного лакея, и, когда он мельком глядел на озабоченное лицо Алёны, то с трудом скрывал своё внутреннее ликование. Ведь её красивое лицо вдруг утратило недавнюю беспечность! И Тимофею радостно подумалось о том, что в отношениях между его господами образовалась, наконец, желанная ему трещина. А ещё дворецкий втайне веселился тем, что его хозяин тупо не замечал нервного напряженья своей любовницы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.